ПРОШЛОЕ
НАСТОЯЩЕЕ
БУДУЩЕЕ
КОНСТАНТИН
КРЫЛОВ

Константин Крылов

Прошлое. Настоящее. Будущее

«Книжный мир»

2020

УДК 101(141.3)
ББК 87.6

Крылов К. А.

Прошлое. Настоящее. Будущее / К. А. Крылов — «Книжный мир», 2020

ISBN 978-5-6048887-7-3

Рыцарь русского разума, выдающийся философ современности Константин Анатольевич Крылов (1967-2020) на протяжении последних 25 лет был ключевой фигурой русского национал-демократического движения. Его ум, начитанность, продуманность мнений были таковы, что оставалось только восхищаться теми возможностями, которыми, оказывается, может обладать интеллект, выросший в русской среде, на книгах на русском языке, напитанный русской культурой и русскими мыслями. В этой книге собраны его замечательные научные труды, публицистические работы, художественные произведения, в которых этот яркий философ, писатель, политик и человек рассказывает нам о нашем прошлом, настоящем и будущем. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 101(141.3)
ББК 87.6

ISBN 978-5-6048887-7-3

© Крылов К. А., 2020
© Книжный мир, 2020

Содержание

Константин Крылов. Рыцарь Русского Ума 6
Прошлое 23
Кто прошлое помянёт 23
О некрополитике 28
Похвала косоворотке 29
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Константин Анатольевич Крылов
Прошлое. Настоящее. Будущее

© Крылов К.А., наследники, 2022
© Книжный мир, 2022
© ИП Лобанова О.В., 2022

Константин Крылов. Рыцарь Русского Ума

12 мая 2020 года на пятьдесят третьем году жизни скончался от инсульта философ, писатель, политик, публицист, без преувеличения – отец-основатель современного русского национализма Константин Анатольевич Крылов (1967–2020).

Болезнь решила не размениваться на периферию, ударив насмерть сразу по главному его органу – мозгу, тем самым как бы подчеркнув, то, что и так было хорошо известно всем, кто был хотя бы немного знаком с ним и его творчеством: Крылов был самым умным русским человеком нашей эпохи. В некоторые моменты мне казалось – самым умным на нашей планете. Обладателем интеллекта невообразимого по ширине, разнообразию творческих потенций, оригинальности идей. Это не значило, конечно, что всегда и во всём он был прав (обладание даже величайшим умом не гарантирует обладания полнотой истины) – он часто ошибался, иногда очень сильно ошибался. Но главное – этот величайший русский ум современности всегда с удивительной последовательностью был за русских.

Очень трудно отстраненно писать о человеке, с которым связывали четверть века дружбы, сотрудничества, бесконечных душевных бесед, раздражений, обид, примирений, но мемуары я напишу как-нибудь в другом месте, а здесь нужно рассказать о Крылове как о важной фигуре в истории русской мысли и политики.

Он родился в 1967 году в Москве. Его мать Валентина Ивановна работала на довольно высокой должности в Первом главном управлении КГБ СССР (внешняя разведка) и занималась разработкой аналитических систем раннего предупреждения о возможном нападении. Эта психологическая установка – раннее распознавание угрозы и предотвращение её, восприятие мира под углом возможной опасности для твоего народа, доминировало в Крылове от начала и до конца. Он и сам успел какое-то время поучиться на разведчика и послужить, но этот период был крайне непродолжителен, так как советская разведка рухнула вместе с системой.

Крылов имел два образования – физико-математическое, с уклоном в последнее (Московский инженерно-физический институт – МИФИ), и философское (философский факультет Московского государственного университета – МГУ). Однако исключительно масштабный аналитический ум, умение классифицировать явления, выявлять их метафизическую сторону, были лишь частью его личности. Это был человек ренессансного масштаба талантов – великолепно рисовал, музицировал, писал стихи, был исключительно талантливым писателем.

Литература, изумительное творчество писателя-фантаста Михаила Харитонова (литературный псевдоним К. Крылова), в последние годы его под себя подминала, что давало несколько более широкое социальное признание (в России государство и часть общества, увы, недолюбливают мыслителей-интеллектуалов и для того, чтобы позволить им жить, вынуждают их притворяться «писателями»). Человек это был жизнелюбивый, необузданный, брызжуще яркий, и, в то же время, с огромной внутренней дисциплиной и цельностью.

Как я уже сказал – его ум, начитанность, продуманность мнений были таковы, что оставалось только восхищаться теми возможностями, которыми, оказывается, может обладать интеллект, выросший в русской среде, на книгах на русском языке, напитанный русской культурой и русскими мыслями.

Приходило в голову стихотворение Вячеслава Иванова, самим Крыловым очень любимое:

Своеначальный, жадный ум, —
Как пламень, русский ум опасен:
Так он неудержим, так ясен,
Так весел он – и так угрюм.

Самой странной, непривычной и, чего уж там, для меня лично дискомфортной чертой Крылова было его вероисповедание. Оказавшись в 1992 году в Средней Азии, он каким-то образом познакомился с тамошними беженцами из Ирана и принял маздеизм (зороастризм). В преимущественно православной или, на худой конец, обиженной на Православие, среде русской мысли он, поэтому, всегда был немного «белой вороной». Наши споры о религии с ним продолжались часами и никогда ни к чему не приводили.

Однако и это экзотичное вероисповедание было напрямую следствием особенностей его интеллекта. Оно позволяло Крылову оставаться очень рациональным и четко заточенным на то, чтобы всегда и во всем видеть врага во всех его проявлениях. Врага не как внутреннего искусителя, что характерно для христианского вероучения, а как внешнюю безжалостную силу, с которой не договоришься. А мир, как действие, как благость, как красоту он воспринимал не столько как повод для радости и благодарности, сколько как оружие, направленное Творцом против Врага.

Со временем этот дуализм начал играть с интеллектом Крылова дурные шутки, но для становления русского национализма в конце 1990-х и 2000-х гг. роль особенностей его мышления была исключительной: *Крылов учил русских ненавидеть врагов.*

Наше христианское сознание учит нас любви, пониманию, прощению по отношению к своим личным врагам и, к сожалению, это настроение невольно перехлестывает и в общественную жизнь. Мы стали не «прощать» зло, а его забывать, не помнить, даже не осознавать сделанное против нас зло в качестве такового. Вопреки тому, чему учил святой Филарет Московский: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша», мы начинали гнушаться собой, бить ближних – своих же собратьев русских, любить врагов отечества и лебезить перед врагами Божьими. Русское национальное самосознание, порой даже у патриотов, дошло до точки мазохистского самоунижения, «самокозления» (как выражался Крылов).

Тогда-то и раздался сперва негромкий, доходивший только до ограниченных интеллектуальных аудиторий, затем всё более мощный голос философа. Небольшая лекция «Традиция и познание», опубликованная в журнале «Волшебная Гора» (1997, вып. VI, стр. 394–403), стала своего рода философской революцией в истории нового русского национализма.

«Мы тут в России доблажились. До того, что нас просто затоптали. Мы улыбались в ответ на плюхи, и теперь нам ломают ребра. Над нами – без большого труда – взяла верх Нерусь и Нежить. Да в том-то и весь секрет. Русский такой – он зла не помнит. Не то чтобы даже прощает зло (прощение – действие сознательное), а вот именно что не помнит. И ежели гадить ему понемножечку, каждый раз помалу, то обобрать его можно полностью и целиком, – а потом-то можно будет уже и оттянуться и покуражиться, благо “уже не встанет”. Ну а ежели встанет и опять как-нибудь выберется – тоже не страшно. Память-то коротенькая. Всё простит и забудет на радостях. Потому, соответственно, всё и можно. Традиционализм – это, скажем так, нечто противоположное такому вот «“без памяти прощенью”. *Традиция – это Память, и – прежде всего – память о содеянном против нас зле*».

Крылов проговаривал для оформшмаченного ельцинизмом (и зачуханного мнениями и требованиями «мирового сообщества») разрозненного «российского» социума очень важные мысли: у русских есть враги, они нас ненавидят, ненавидят они нас не «за то, что мы им сделали что-то плохое», а просто так, в может быть и за то, что мы сделали им что-то хорошее, или просто за то, что мы хорошие. Мы не должны извиняться за своё существование, не должны выпрашивать извинений за действительные и мнимые вины, мы должны быть собой, делать то, что должны делать, помнить зло, воздавать за него, а главное – не позволять творить с собой зло в дальнейшем.

«Память – это всегда память о зле, совершенном над нами, память о нашем поражении, о потерях и утратах. Иначе она не нужна и бессмысленна. Благо, которое есть, присутствует. Его не вспоминают, им обладают. Если его нет, оно было утрачено, и память – это память о том, что было утрачено и как оно было утрачено. Но Благо – это не событие. Память о самом Благе почти невозможна. Оно или есть, или нет. Нас соединяет с ним только память о его утрате, и отказ от этой памяти есть отказ от нашей единственной связи с ним, связи, которая – одна! – поддерживает в нас дух. Эта связь слаба, а желание забыть почти всесильно, на это есть тысячи причин, – ну хотя бы потому, что воспоминания о гибели Блага невыносимы. Но если их не останется, не останется даже тени надежды. Забвение Зла – это смерть сущности. Тот, кто забыл о причиненном ему зле, тем самым согласился с ним, одобрил и принял Зло, то есть сам его совершил и стал его частью.

Добро нужно помнить и чтить, как велят нам чувства чести и благодарность. Зло нужно помнить вечно, всегда, даже если все наши чувства и порывы противятся этому. Ибо только память о совершенном Зле может остановить его бесконечное повторение. Не нужно помнить о добре, чтобы творить добро. Но необходимо помнить о Зле, чтобы противостоять ему. На этом простом соображении основаны онтология, гносеология и этика традиции».

Этот принцип превенции зла, предотвращения зла, и зла вообще, и зла конкретно-исторического, направленного на нас, русских, является центральным в крыловской философии. Именно ему посвящена, прежде всего, его главная и пророческая книга – «Поведение», которая, со временем, я уверен, будет признана одним из величайших вкладов в историю философской мысли как удивительная по яркости работа в области формальной этики и социальной философии.

К сожалению, философом в современной России считается почти исключительно специалист по истории философии, работающий либо в вузе, либо в научно-исследовательском институте (НИИ). Хотя на деле специалист по истории философии является философом редко, потому, что его задача анализ идей, а не их производство. И способность производить философские идеи тут скорее мешает, так как вместо Г. Гегеля или Л. Шестова ты начнешь излагать себя.

«Историком философии» Константин Крылов не был, хотя у него есть блистательные работы в этой области: об Александре Зиновьеве, неоконченная – об Иване Ильине. Но в целом академическая история философии не была его преимущественной сферой занятий. В вузы его изредка звали, но настолько ненастойчиво, что нужно было очень хотеть стать рядовым, без кандидатской степени, преподавателем вуза, чтобы на эти призывы откликнуться. Несколько раз ему пытались организовать диссертацию, но опять же это требовало таких сверхусилий при неочевидности цели, что упрекать его, что он не бегал за этим призраком, как щенок, – глупо.

Итак, Крылов не был ни историком философии, ни работником философских учреждений. Следует ли из этого, что он не был философом? Нет, не следует.

Вопрос этот может быть разрешен в двух отношениях. Отношение первое – совершенно очевидное. Был ли философом Сократ? Был ли философом Ницше? Был ли философом Розанов? Был ли философом Ортега-и-Гассет? Если вы говорите «да», но, при этом, отказываете в звании философа Крылову, то глаза ваши бесстыжие. Если вы признаете хотя бы одного из вышеназванных крупным философом, но отрицаете такой масштаб за Крыловым, то это говорит о вашей нечуткости к тому, что есть философия. То есть если говорить о неклассическом типе философствования, то разговор вообще лишен смысла. Крылов очевидно крупнейший русский неклассический неакадемический русский философ конца XX начала XXI века.

Однако Крылов является одной из крупнейших фигур и в классической русской философии, поскольку сделал вещь, которую делали в мировой философии считанные единицы, а в России не делал никто – создал *систему формальной этики*. Это вещь, сопоставимая по уровню только с «Критикой практического разума» И. Канта и «Теорией справедливости» Д.

Ролза. Я уверен, что со временем принципы системы Крылова так же лягут в основание социальной практики в России, как и принципы системы Ролза лежат в основании социальной практики Запада. Несомненно, что они будут изучаться не только в университетах, но и в школах на уроках обществознания.

Формальная этика – крайне непопулярна, поскольку всем людям, включая философам, чтобы почувствовать себя хорошими людьми, хочется в этике разобраться с ценностями. Однако после Канта отрицать важность формальных этических норм и логических конструкций не приходится. Тем более это не приходится делать после Д. Ролза, чья «теория справедливости», основанная на ряде формалистических допущений (если не сказать, в некоторых случаях, жульничеств) при этом лежит в основе социальной и гуманитарной политики большинства современных стран Запада. То есть формальная этика может иметь колоссальное ценностное и политическое влияние.

Константин Анатольевич Крылов был единственным известным мне русским философом, который построил строгую абсолютно формальную и логически неопровержимую систему этики, которой возможные варианты морального или аморального поведения человека фактически исчерпываются. Сделано это в небольшой и лаконичной, как всё великое, работе «Поведение» [1].

Содержание этой книги довольно просто – оно состоит в утверждении, что отношения человека и общества описываются четырьмя формальными логическими уравнениями, выражающими соотношение того, что должен делать или не делать человек, реагируя на то, что делают или не делают по отношению к нему другие люди. Этими четырьмя уравнениями описываются четыре этические системы (ЭС), каждая из которых может быть сведена к простому «золотому правилу», не требующему математических формул.

Первая этическая система. Я должен вести себя по отношению к другим так, как они ведут себя по отношению ко мне.

Вторая этическая система. Я не должен вести себя по отношению к другим так, как они не ведут себя по отношению ко мне.

Третья этическая система. Другие должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим.

Четвёртая этическая система. Другие не должны вести себя по отношению ко мне так, как я не веду себя по отношению к другим.

То, что совершенно шокирует любого ознакомившегося с формулировками и характеристиками этих этических систем, – это их абсолютная работоспособность в сочетании с логической полнотой. Действительно, большинство ситуаций и поведенческих моделей описывается именно этими формулами. Мы имеем дело с тем, что логически предсказанное, дедуктивно выведенное совпадает с реальностью.

Теория логически выведенных этических систем – это абсолютное достижение в мировой философии, достигнутое нашим соотечественником и современником, которого мы имели честь и удовольствие знать.

Далее: Крылов сделал следующий шаг в этике, который вывел его ещё дальше, подведя к тем вещам, о которых в этике почти никто не задумывается. А именно он создал концепцию этического *полюдья*, радикально отличающегося от морального долга. Он предположил, что идеальная этическая парадигма в поведении большинства людей отличается от реальных этических императивов, но подчиняется, при этом, их редуцированной форме. Сущность «полюдья» в том, что двусторонняя обусловленность, равновесность этической формулы заменяется односторонней формулой.

---

[1] См.: *Крылов, К.А., Крылова, В.И.* Поведение. – М.: Педагогический поиск, 1997. Книга практически недоступна в печатном виде, но широко доступна в интернете. Готовится переиздание. – *Прим. автора.*

Полюдье, первая ЭС: Делай то же, что и все.

Полюдье, вторая ЭС: Не делай того, что другие не делают.

Полюдье, третья ЭС: Все должны делать то, что делаю я.

Полюдье, четвёртая ЭС: Никто не должен делать того, чего не делаю я.

Хотя в основе социальных систем и цивилизаций лежат полные этические системы, правилом практической жизни, а тем более – массового поведения, гораздо чаще оказывается полюдье.

Открытие полюдья как самостоятельного феномена в этике – это коперникианская революция в моральной философии и в исследовании человеческого поведения. Суть её состоит в том, что люди поступают в реальной жизни не по морали, но и не против морали, а по сокращенной, редуцированной версии морали, по усеченной этике, в которой нравственное правило упрощено до лозунга-поговорки.

Открытие это одновременно произвели два человека: Светлана Лурье в этнологии (концепция эрзац-этического сознания) и Константин Крылов в философии (концепция полюдья). Но открытия в философии в таком случае, безусловно, более фундаментальны, так как описывают самые общие аспекты реальности.

Кроме того, Крылов указывает на ещё три логически возможные формулы поведения, которые очевидно деструктивны для социума:

– *аморальность и асоциальность*: я буду делать то, что я делаю, а другие пусть делают то, что они делают;

– *паразитизм*: я не буду делать другим того, что они делают мне;

– *насилие, варварство:* я буду делать другим то, чего другие не делают мне.

В последних двух случаях схема Крылова имеет, на мой взгляд, некоторое упущение, связанное с его достаточно специфическим восприятием мира, характерным для зороастрийца и человека, чуждого христианской культуре: неравновесные отношения он воспринимает как априори негативные, в его системе немыслимы поступки формата одностороннего отказа от зла и одностороннего оказания благодеяний. Пробел для нашего мира, где бескорыстное добро практически отсутствует, – небольшой, но существенный.

Особенно сильное впечатление производит схема Крылова, когда из этической философии она превращается в историософию и в простой, интуитивно понятной форме представляет всемирную историю и современный мир как систему взаимоотношений четырех цивилизационных блоков, определяемых одной из этических систем. Первая система – *Юг*, мир архаики и современного ислама. Вторая система – *Восток*, мир развитых восточных цивилизаций, следующих золотому этическому правилу. Третья система – *Запад*, мир европейской и американской цивилизации индивидуализма и открытых возможностей. И, наконец, Четвёртая система – *Север*, лишь намечающаяся цивилизационная реальность, основанная на недопущении и ограничении зла, на индивидуалистически заточенном противостоянии беспределу. Крылов выступил продолжателем русской традиции цивилизационного мышления, восходящей к Н. Я. Данилевскому, и дал свой, весьма оригинальный и продуктивный вариант, в котором соединил дедуктивный логический анализ и остроумную историческую физиогномику, приправленную порой изрядной долей злости.

Юг. «Возьмем, к примеру, такую вещь, как “национальная солидарность” у каких-нибудь горских народностей. Каждый из них по отдельности достаточно слаб и труслив. Но если их много, их поведение меняется. Они становятся беспредельно наглыми, а страх куда-то отступает. Если их надо запугать, их придется запугивать сразу всех вместе. Это тяжело, поскольку каждый из них следит за реакцией других и никогда не покажет первым, что он испугался. По идее, первым должен продемонстрировать новое поведение лидер группы: если удается повлиять на него, это автоматически влияет на всех, они теряют уверенность в себе и начинают нервничать, а то и откровенно трусить. Другое дело, что лидер старается держаться до последнего,

поскольку такие эпизоды подрывают его авторитет, то есть право принимать самостоятельные решения и быть образцом для подражания.

Такие люди очень часто кажутся честными, верными своему слову. Это действительно так: они честны и верны слову, но вполне могут нарушить любые клятвы и даже не вспоминать о них, если только они это сделают коллективно, все вместе. Они стыдятся только друг друга, больше никого, индивидуальной совести у них нет, и если они все вместе (всем коллективом) решат кого-то предать, чего-то не сделать и вообще совершить любую подлость, они это сделают, и никакие угрызения совести их не будут беспокоить…

Справедливым кажется воздаяние за зло, равное количеству зла, а понятие добра требует нанесения даже большего ущерба противнику. (Например, в отместку за кражу хочется убить, за убийство – истребить всю семью и т. п.) Заметим, что ничего «эгоистического» в таких желаниях нет. Это именно следствие представлений о добре и справедливости, не более того. Очень часто месть превращается в опасное и дорогостоящее занятие, требующее огромных затрат сил и времени. В фольклоре народов, живущих по Первой этической системе, всегда имеются истории о великих мстителях, потративших на это занятие всю жизнь и жестоко страдавших при этом».

Восток. «Культура такого общества является консервативной (то есть подавляющей свои возможности ради сохранения традиции). При этом традиционность такого общества только нарастает с течением времени, поскольку сфера допустимого поведения неуклонно сужается… Общества, основанные на Второй этической системе, не являются совершенно неизменными: если их предоставить самим себе, они медленно коллапсируют, схлопываются, ставя всё более жесткие рамки человеческому поведению.

Довольно интересным явлением в сжимающихся обществах является распространенность лицемерия. Постоянному сжатию сферы допустимого поведения противостоит “суровая правда жизни”: людям часто приходится делать вещи, выходящие за (всё время сужающиеся) рамки общепринятого. Это провоцирует то, что можно назвать “эффектом айсберга”: некоторые способы поведения в обществе реально остаются, но как бы “уходят под воду”: о них становится не принято говорить, их надлежит прятать, скрывать от посторонних глаз. В результате сильно сжавшиеся общества действительно становятся похожими на айсберг: на первый взгляд, в обществе существует всего несколько допустимых моделей поведения (верхушка айсберга), на самом же деле их гораздо больше.

Это проявляется даже в мелочах. Например, внешнее поведение людей, принявших Вторую этическую систему, с нашей точки зрения кажется неискренним. Это знаменитое “восточное лицемерие” кажется нам признаком аморальности. На самом деле оно продиктовано как раз нормами морали. Идеалом внешнего поведения и хороших манер становится, таким образом, бесстрастие (или демонстративная вежливость). Это показное бесстрастие – аналог бездействия как идеала поведения. Внешне этот идеал выглядит так: всегда ровный голос, неподвижное лицо, легкая улыбка. Так, проявление сильных эмоций с точки зрения человека Второй этической системы – признак неуважения к собеседнику, то есть аморальности или слабости.

То же самое можно сказать и о знаменитой восточной скрытности. Если идеальное поведение сводится к полному бездействию, то социально приемлемым компромиссом можно считать показное бездействие, то есть сокрытие своих действий от других… На самом деле никакой восточной лени в природе не существует: есть желание завуалировать свои дела…»

Запад. «Либеральное общество можно назвать расширяющимся, или инфляционным… Как консервативное общество (восточное) нельзя именовать закрытым, а только сжимающимся, так и либеральное (западное) общество не является открытым, а только расширяющимся…

Вначале это приводит к быстрому росту возможностей общества. Появляются новые модели поведения, а значит – новые моды, новые занятия, новые профессии, новые изобретения и открытия. Новшество, развитие, прогресс – все эти понятия могут считаться хорошими только в либеральных обществах. При этом изначальная “зажатость” общества, суженность сферы допустимого в нём является скорее плюсом. Открывающееся общество успевает достичь больших успехов во всех сферах жизни, а остатки былых запретов и ограничений делают жизнь в данной обществе относительно приемлемой… Неограниченное расширение сферы допустимого приводит к тому, что “можно” становится практически всё. Общество всё более снисходительно относится к вызывающему, опасному, а потом уже и преступному поведению. Предоставленное само себе, оно может просто “взорваться”…

Если Восток скрытен и лицемерен, то Запад можно определить как демонстративную цивилизацию. Такие явления, как мода, реклама и т. п., могли появиться только на Западе. Особенно же интересным является следующее: как на Востоке принято нечто делать, но скрывать это, так на Западе в порядке вещей как раз противоположное. Западный человек постоянно демонстрирует множество ложных или даже, так сказать, технически невозможных, типов поведения, которые на самом деле не реализует. Это касается всех областей жизни, но в целом каждый стремится изобразить из себя более интересного (на худой конец более оригинального) человека, нежели чем он является на самом деле.

Это вызвано очень простым обстоятельством. Существуют модели поведения, с виду вполне возможные и даже в чём-то привлекательные, но на деле нереализуемые. Есть вещи, которые можно изобразить, но не реализовать на самом деле. Речь не идет о каких-то физических или интеллектуальных подвигах. Но для нормального человека практически невозможно, например, всё время быть в хорошем настроении и искренне радоваться обществу окружающих (хотя со стороны такое поведение кажется вполне возможным). Тем не менее такое поведение можно изображать. Это не является подобием восточного лицемерия: восточный человек скрывает те чувства, которые у него (на самом деле) есть, а западный, наоборот, изображает те, которых у него (на самом деле) нет…

Если окончательная форма политического устройства, которую выработал Восток – это великие централизованные империи, то окончательная форма политического устройства Запада – отнюдь не “национальные государства”, как это иногда представляют, а то, что называется “мировой системой” или “новым мировым порядком”. Становление и развитие национальных государств было только одной из стадий его возникновения…

Складывающийся сейчас западный “новый мировой порядок” возникает… не путем “объединения сверху” некоего множества, а путем растворения границ элементов этого множества; не путем введения новых, дополнительных порядков и законов, а путем уничтожения и отмены старых…

Наилучшим примером реализации идеологии “нового мирового порядка” может послужить процесс объединения Европы. Он начался не с создания неких “всеевропейских органов власти” и постепенного расширения их полномочий. Напротив, он начался с отмены некоторых законов, касающихся границ государств, таможенных правил, ограничений на перевозки товаров, и т. п. Все наднациональные органы управления в Европе слабы и ещё долго останутся таковыми. Зато процесс размывания границ между государствами идет достаточно быстро. Введение общеевропейской валюты, европейского гражданства и т. п. является не началом, а результатом этих процессов.

Восточные деспотические империи стремились объединить земли вокруг центра. Западные государства не пытаются делать ничего подобного: напротив, они стремятся растворить в “общем море” все границы и пределы. На Востоке централизованная власть появляется первой и начинает постепенно распространять своё могущество, присоединяя к себе всё больше и больше земель, территорий, людей. На Западе единая централизованная власть может

появиться только в последний момент, после «растворения». Это процесс, идущий не сверху, а снизу – не введение дополнительных ограничений, а отмена существующих.

Не следует думать, что подобный процесс может проходить полностью безболезненно. На Востоке окраины расширяющихся империй воевали за свою независимость, поскольку империи угрожали их свободе. На Западе люди сопротивляются логике “нового мирового порядка” потому, что он угрожает их идентичности.

Человек (равно как и народ) не может быть всем и принять всё. В этом смысле “новый мировой порядок”, размывая все и всяческие ограничения, может стать в конечном итоге столь же малопривлекательным, как и самое жесткое подавление личности и народа.

Идеал “нового мирового порядка”… это не “государство Земля”, а Земля без государств, без границ, с минимумом явной централизованной власти. Это прежде всего единый мировой рынок, законы функционирования которого поставлены выше любых государственных законов. Это, во-вторых, единая юридическая система, гарантирующая права рыночных субъектов. И только в-третьих это единая (но не обязательно централизованная) власть над планетой, впрочем, весьма ограниченная и имеющая не слишком большие полномочия. Скорее всего, это будет некий аморфный конгломерат различных международных организаций, поддерживающий некоторый минимальный порядок, но прежде всего не допускающий появления сколько-нибудь жестких центров власти и влияния, то есть поддерживающий мир в растворенном, “ликвидном” состоянии».

Столь же развернутой характеристики цивилизации **Севера** К. Крылов не дал, ограничившись предположением, что советская система была периодом ограничения моделей, заимствованных у чужих систем, полюдьем Четвёртой этической системы, базирующимся на принципе «зависти». Постепенно из полюдья и его преодоления, предполагал Крылов, выкристаллизуется полноценная цивилизация, основанная на Четвёртой этической системе и её принципах: «Пусть все, но не я»; «Не позволяй другим того (по отношению к себе), чего ты себе не позволяешь (считаешь невозможным) делать сам (по отношению к ним)»; «Не позволяй – ни себе, ни другим (по отношению к себе) делать то, что ненавидишь в себе и в других».

Финальным аккордом, которым К. Крылов сразил своих читателей, было введение в русскую историю XX века 12-лет-них циклов – в них описывалось «отыгрывание» в рамках зарождающейся новой цивилизации более ранних этических систем. Каждый «отыгрыш» проходит три этапа: харизматический подъём, период бури и натиска; расцвет и стабилизация; стагнация и поиск выхода. При наложении на реальную советскую историю этот цикл шокировал своей точностью: 1917–1929–1941–1953 – время Юга; 1953–1965–1977–1989 – время Востока; 1989–2001–2013–2025 – время Запада.

Напомню читателю, что книга вышла в 1997 году, когда ни поворот 2000–2001-го гг., ни потрясения 2011–2012 годов невозможно было даже помыслить. Внезапный перелом «по Крылову» в 2001 году заставил скептиков признать, что эта математическая концепция имеет потрясающую предсказательную силу. Столь же малопрогнозируемый перелом 2014 года (от расцвета российского капитализма к острому конфликту с «новым мировым порядком», к отстраиванию русской цивилизационной и геополитической позиции по принципу «пусть все, но не я») вынудил перестать сомневаться даже закоренелых скептиков. В 2020–2021 годах мы уже ощущаем первые толчки того разрыва России с Западом и оформления собственного Севера, которые следуют из скорее мистически уловленного, чем собственно вычисленного «цикла Крылова».

Концепция «Северной этики» оказалась своего рода само-сбывающимся пророчеством. Довольно большое число людей, что особенно важно – мужчин, начали пестовать в себе северного человека, практиковать принцип «где сядешь там слезешь», воспринимая его как часть личной и национальной этики. «Контрсуггестия», – как выразился высоко ценимый Крыловым Б. Ф. Поршнев, стала важной чертой нового русского психологического уклада. Если северная

цивилизация действительно реализуется в истории, то именно Крылов окажется не только в роли предсказателя, но и в роли воспитателя на её первых шагах. Кажется, это и называется в светском смысле «пророком».

Понятно, что идея Севера, к тому же являющегося столь популярной в кругах философов-традиционалистов мифологемой (и одновременно символом), не могла не возбудить пророческих мечтаний о грядущем месте России в мире. Подлинный русский национализм может покоиться лишь на двух равновеликих идеях – внешнем и внутреннем суверенитете русской нации и внешнем и внутреннем суверенитете русской цивилизации. Без утверждения русской самобытности мечта о русской самостоятельности стоит не дорого.

Отношение К. Крылова к Западу было двойственным. Он его ненавидел и презирал как извращение человеческого духа, что особенно ярко выразилось в одном из самых злых его текстов – антиутопии «Новый мировой порядок». В то же время – он восхищался эффективностью Запада и никогда не считал, что мы сможем превозмочь «их» только потому, что мы духовнее. Мы должны быть умнее, жестче, безжалостней, эффективней, чем они.

Как националистический публицист Крылов, порой, уклонялся, преимущественно под внешними влияниями, в сторону переоценки национального суверенитета, трактуя его в чисто западническом ключе. Однако идея Севера, логика Четвёртой этической системы, сформулированная Крыловым столь ярко, давала установку на необходимость утверждения суверенности и самобытности русской цивилизации.

Важной идеей Крылова, органично вытекавшей из его мировоззрения, было понимание того, что наряду с нормальной этикой в человеческих обществах существует и ненормальная: «я буду делать другим то, чего они мне не делают» (с отрицательным знаком, – положительного варианта он, увы, не хотел видеть). Это этика варварства (есть ещё близкая к ней этика паразитизма). Та последовательность, с которой он указывал на существование у цивилизации *системных врагов*, а не только «недоразвитых» или «инакоживущих», была просто поразительна.

Варварство. «Народы-диаспоры образуют нечто вроде промежуточной зоны между цивилизацией и её противоположностью, то есть чисто паразитические сообщества, использующие для достижения своих целей насилие и обман. Такого рода сообщества мы будем именовать варварскими, а соответствующее поведение – варварством.

Мы… полагаем, что варварство тесно связано с цивилизацией, и даже (в некотором смысле) порождается ею. Более того, варварство – вторичное (по отношению к цивилизации) явление. Кроме того, варварство вполне способно стать одной из основных исторических сил достаточно близкого будущего – и такой шанс ему предоставляет именно наступление мировой цивилизации. Варварские сообщества следуют «антиэтическим» законам зла. В подавляющем большинстве случаев речь идет о насилии: “Я буду вести себя по отношению к другими так, как они не ведут себя по отношению ко мне (не могут или не хотят). Я буду делать с другими то, чего они со мной не делают (не могут или не хотят)”.

Говоря попросту, варвары – это люди, существующие за счёт того, что они могут доставить другим неприятности. Цивилизации приходится непрерывно откупаться от них, поскольку это обычно (в каждый данный момент) кажется более простым и дешевым выходом из положения.

Варварство является принципиальной позицией. Жить за счет насилия для настоящего варвара – это нечто достойное восхищения, предмет гордости, этическая ценность. Такое отношение к жизни в среде этих сообществ разделяют все, а не только те, кто реально смог стать разбойником или убийцей. Например, любая женщина из такого сообщества гордится, что её муж и сыновья убивают людей и приносят домой добычу, и презирает их, если они кормят семью за счёт честного заработка…

Внутренняя структура варварского сообщества (прежде всего система управления, то есть власть) держится за счет ресурсов и средств, предоставляемых цивилизацией. Обычно варварская правящая верхушка распоряжается техническими или идеологическими ресурсами, созданными цивилизацией и принципиально недоступными для изготовления или создания в само́м варварском обществе… Настоящее варварство начинается там, где все ходят с дубинами, но вождь и его охрана носят стальное оружие (которого данный варварский народ делать не умеет), а ещё лучше – ходят с автоматами и гранатометами. Первый и главный признак развитого варварства – это использование властью (и прежде всего властью) технических средств (особенно оружия) и идеологии, произведенных в цивилизованном обществе, причём таких, которых сами варвары не способны изготовить и тем более изобрести. Наиболее характерное внешнее проявление варварства – нарочито примитивные и дикие нравы в сочетании с развитой чужой (купленной, краденой или отнятой) материальной культурой… Варварство выживает, борясь с цивилизацией средствами самой цивилизации.

Всё сказанное заставляет сделать вывод о том, что варварские культуры преступны. Так оно и есть. Варварство отличается от обычной преступности только своими масштабами. Разумеется, делишки воровских шаек или мафиози не идут ни в какое сравнение с целыми варварскими «республиками», «независимыми государствами» и т. п., но суть их деятельности та же самая.

Особый интерес представляет своеобразная красота варварства – и, соответственно, периодически вспыхивающее восхищение части цивилизованных людей варварами. Ответ довольно прост: варварство стремится выглядеть привлекательным; это часть его политики мимикрии. Нигде не уделяется столько внимания бытовой эстетике, сколько у варваров, а их вожди обычно прямо-таки утопают в экзотической роскоши».

Всё это было написано тогда, когда радикальное движение «Талибан» едва не взяло Кабул, а Шамиль Басаев со всей «Ичкерией» не вылезал из эфиров либеральных российских телеканалов, но до «подвигов» «Аль-Каеды» и, уж тем более, до феномена ИГИЛ [2] оставались ещё многие годы.

Крылов направил на варварство интеллектуальный ланцет столь же острый, какой Шафаревич нацелил на «малый народ». Его ненависть к варварству и паразитизму, воплощавшим его историческим силам, явлениям, этносам, была беспощадной и в эпоху закручивания гаек в отношении русского национализма закономерно довела до приговора по 282-й статье Уголовного кодекса (УК) РФ в 2012 году.

Этот приговор за призыв «покончить со странной экономической моделью», выражавшейся в усиленном кормлении некоторых регионов только на том основании, что они способны причинить всей остальной России неприятности, доставил Крылову немало неудобств, связанных с тем, что его, в отличие от всевозможных варваров, включили в списки экстремистов и лишили даже права иметь собственную кредитную карточку, не говоря уж о возможности отдохнуть не на «Кавказских минеральных водах».

Социальная стигматизация, причиненная этим приговором, была той цикутой, которая медленно его убивала и убила. Россия расправилась со своим Сократом. Впрочем, народ русский к этому совершенно не был причастен, деяние было совершено одной лишь властью и на ней одной, а не на народе, пятно позора за этот приговор.

Одна из самых злых политических книг К. Крылова называлась «Прогнать чертей» и была посвящена всей той бесовне, которая сидит на шее у русского народа и стремится его громить и гнобить. Освободить русских, чтобы русская нация смогла возвратить себе Россию; не позволить заменить нас ни завезенными ради экономии копеечки ордами, ни безликими ушлыми «россиянами».

---

[2] Все упомянутые в абзаце террористические организации запрещены в Российской Федерации. – *Прим. ред.*

Один из первых знаменитых его текстов «Россияне и русские» и создал эту знаменитую оппозицию, в известном смысле не допустив нашего перекрещивания ельцинскими подручными, сформировав массовое негативное восприятие зачинаемого «ребятами демократами» нового этноса [3].

«Свойственное “демократам” отношение к русскому народу с этих позиций легко объяснимо: это обыкновенная ксенофобия, свойственная молодым самоутверждающимся нациям. Точно так же объяснимо плохо скрываемое (а часто и демонстративное) отвращение “демократов” к России и её истории: это не их история. По сути дела, “демократы” *пытаются освоить для себя и своих потомков территорию, населенную аборигенами.* Разумеется, “поселенцы” не хотят и не могут вписываться в общество аборигенов, да оно и не могло бы их принять. С точки зрения россиян, современная Россия представляет из себя нечто подобное “дикому Западу” для американских колонистов: это территория, подлежащая освоению. Оккупантами россияне себя при этом не считают, и не потому, что они “родились здесь” (и, в самом деле, россияне автохтонны), но потому, что они a priori отказывают существующим на данной территории социальным структурам (в частности, русскому государству) в легитимности: с точки зрения россиян, их деятельность – это скорее колонизация и окультуривание, нежели оккупация…

Трудность положения россиян в России состоит в том, что (постулируемое россиянами) культурное превосходство над аборигенами, без которого схема колонизации новых территорий работает плохо, на самом деле отсутствует. Русское общество отнюдь не является примитивным. Россияне попали в ситуацию, аналогичную не столько освоению американских прерий, сколько двусмысленному положению европейцев в Китае, где стандартная схема колонизации забуксовала из-за того, что местная культура была достаточно сложной и развитой. Поэтому перед россиянами встала дополнительная задача деструкции сложных культурных форм русской жизни…»

Деятельность Крылова как русского националиста была посвящена именно идее национального освобождения русских как в политическом, так и в ментальном смысле. Разумеется, эта деятельность встречалась со многими препонами, которые, пожалуй, увеличивались из-за его личностной черты – он никогда не стеснялся в публичных и публицистических выражениях в отношении кого бы то ни было, иногда просто увлекался «красным словцом», хотя в личном общении, напротив, был подчеркнуто доброжелателен, любезен и отзывчив. Но с трибуны, в газете, в редких выступлениях на телевидении (ТВ), резал, как ножом, и это многократно увеличивало сопротивление системы.

Однако он никогда не был, прежде всего, уличным бойцом или политическим полемистом. Крылов всегда оставался теоретиком и генерировал вокруг себя мощное интеллектуальное поле. Так, он сформулировал одну из лучших и наиболее оригинальных в мировой историографии теорию нации.

«В дальнейшем мы будем рассматривать “народ” как совокупность людей, конкурирующую с другими народами (другими такими же совокупностями людей) в Большом времени – т. е. как субъект конфликта, протекающего в Большом времени…

Конкурентные процессы в больших временных масштабах вполне наблюдаемы. Соответственно, “народы” можно определить в качестве субъектов этих процессов, т. е. как макроконкурентные группы. Слово “макро” здесь обозначает не столько численность нации (бывают и очень малые народы), сколько масштаб процессов, в которые они вовлечены. Даже небольшая группа людей, принимающая самостоятельное участие в глобальных процессах, есть полноценный народ.

Народ, “просто живущий” на какой-то территории – и, может быть, весьма успешный по меркам Большого времени – может никак не проявлять себя во времени “малом”. Например,

[3] *Крылов, Константин.* Россияне и русские. К постановке проблемы // URL-ссылка: https://traditio.wiki/krylov/rossian.html

земледельцы, живущие в какой-то местности, могут столетиями страдать от набегов кочевников, которые нападают на их селения, грабят, жгут, насилуют, уничтожают урожай и т. д. При этом земледельцы могут относиться к кочевникам как к стихийному бедствию, с которым “ничего не поделаешь”. Может показаться, что земледельцы смирились с ситуацией. Однако в масштабах Большого времени они активно теснят кочевников: рождаемость среди земледельцев выше, пастбища постепенно распахиваются под пашни и т. д.

Но бывают ситуации, когда действий в Большом времени оказывается недостаточно. Например, те же кочевники могут причинять слишком значительный вред: народ просто не успевает восстановиться, восполнить нанесенный ущерб. В таком случае у него есть альтернатива: постепенно сдавать позиции в Большом времени или начать отстаивать себя в “малом времени” – например, создавая оборонительную систему, окружая себя рвами и частоколами, организуя боевые дружины и т. д. Все эти мероприятия – громоздкие и затратные – возможны, однако, только в том случае, когда жители начинают осознавать себя именно в качестве нации. Такое осознание не дается сразу: требуется определенный уровень понимания ситуации, достижимый далеко не всегда и не во всех случаях. Но если уж он достигнут, народ начинает совершать поступки, нужные не только и не столько конкретным людям, сколько народу в целом.

Обычно подобная мобилизация наблюдается в критических ситуациях – например, во время войны. Однако есть способы сделать её постоянным фоном существования народа, озаботить народ задачами глобальной конкуренции.

Совокупность этих способов, приводящих к постоянной мобилизации народа, и есть национализм. И любой народ, активно заботящийся о собственном будущем (т. е. соразмеряющий свои действия с Большим временем), уже можно считать “нацией”.

Основная тема националистической мысли такова: что мы можем сделать сейчас, чтобы наш народ (пусть даже в лице наших отдаленных потомков) выиграл в глобальной игре, ведущейся в Большом времени? В таком случае национализм можно определить как доктрину, которая утверждает, что макроконкурентная группа должна иметь возможность принимать участие в микроконкурентных процессах, прежде всего в текущей политике. Национализм проецирует отношения, имеющие место быть в Большом времени, на “малое”, “человеческое” время. Нация начинается там, где думают глобально (или о глобальном, “на столетия”), а действуют локально (здесь и сейчас, но имея в виду дальние цели).

Тут становятся возможными националистические фигуры речи – например, ходовое “без собственной национальной государственности мы не можем надеяться на сохранение генофонда, языка и культуры нашего народа”. Здесь утверждается прямая зависимость процессов, происходящих в Большом времени (например, “сохранение генофонда”), от текущих процессов “малого времени” (обретение “национальной государственности” здесь и сейчас), а сама проекция осуществляется через поле политического дискурса.

Существует ли всё же разница между “нацией” и “этносом”? Опять же – да. Как правило, статус “этносов” получают группы, которые не были уничтожены или ассимилированы самоутверждающейся нацией, но которые не удалось сразу переварить, и с ними пришлось налаживать отношения, а следовательно, “давать им место” и как-то осмысливать их существование. На положение “этносов” также низводятся проигравшие нации, утратившие свои трофеи, но ещё способные отстаивать своё существование. Собственно, если “нация” определяет себя как “господствующую”, то “этнос” – это оппозиционная структура по отношению к “нации”: он не столько утверждает свои долговременные интересы в “малом времени”, сколько защищается от чужого самоутверждения.

Обычная мечта любого “этноса” – чтобы его оставили наконец в покое» [4].

---

[4] *Крылов, Константин.* Нация как субъект конфликта // Вопросы национализма. – 2010. – № 3.

Константин Крылов сделал, как никто, много для становления в России умного, интеллектуального, «злого» национализма, не сводящегося только к просьбе, чтобы нас оставили в покое, но мобилизующего русских на обсуждение своего будущего и параметров нашей конкурентной борьбы с теми, кто хотел бы нас из истории вытеснить, получив наше место и ресурсы. Его национализм был заточен и против тех этнических групп в России, которые намеревались эксплуатировать русских и выдавливать их отовсюду; и против завозной вытесняющей массы; и против идеологов либерального разложения, тех, кто внушал русским установку на то, чтобы мы убили себя.

С годами Крылов всё больше сосредотачивался на критике российской власти, как той силы, которая могла бы содействовать национальной мобилизации русских, но на деле всеми мерами препятствовала ей. Печальная хроника этих препятствований власти слишком хорошо известна и имя самого Крылова в качестве жертвы в ней появляется не на одной странице. Но всё-таки, на мой взгляд, Крылов слишком увлекался обличением и даже поношением порой физиологически ненавистного ему «начальства», пренебрегая (или жертвуя) доступными для него возможностями долгосрочного воздействия на положение в общественном сознании и рычагами завоевания интеллектуальной гегемонии.

Отчасти он оказался в средóвой ловушке: основной его референтной группой были обращающиеся к русскому национализму молодые интеллектуалы, в которых ещё слишком много было родовых пятен «российской интеллигенции» – в частности, пламенная антигосударственность. Государственничество же, напротив, соотносилось с антиинтеллектуализмом. Чтобы быть для этой группы интеллектуалов «своим», Крылову постоянно приходилось подчеркивать свою оппозиционность в куда большей степени, чем это было бы прагматически полезно для стратегии русского национализма.

В целом «начальство» двигалось с определенной задержкой в том направлении, которое показывал Крылов, но его лично рассматривало уже однозначно негативно. Это снова и снова толкало его на самоубийственные атаки революционизма, которые вновь и вновь успеха не приносили. А для большой стратегии «пережить их всех, не мараясь сотрудничеством», Крылову банально не хватило времени жизни.

Деятельность К. Крылова на ниве русского национализма была огромной и бурной. На многих этапах мне посчастливилось выступать с ним единым фронтом, а то и «спина к спине». Книги и статьи, сайты «Доктрина. Ру» и «Традиция»; участие в младоконсервативном политическом движении и в сдвинувшим некоторые оси нашего политического самосознания докладе «Контрреформация», основная концепция которого принадлежит именно ему; легендарный в начале 2000-х еженедельник «Спецназ России»; газета «Консерватор»; правозащитное «Русское общественное Движение» (РОД), созданное вместе с Натальей Холмогоровой; журнал «Вопросы национализма», ставший на несколько лет главным теоретическим органом русского национализма, хотя и с несколько национал-либеральным уклоном; так, увы, и не зарегистрированная «Национально-Демократическая Партия» («НДП»).

Я, поначалу, недоумевал: зачем ему понадобилось в тот момент, когда наконец-то ценители его литературного, прежде всего, творчества обеспечили ему неплохие деньги, вбухать их значительную часть на создание и финансирование заведомо безнадежного в смысле регистрации партийного мероприятия? С годами я понял – «НДП» стала точкой сборки для многих молодых интеллектуалов-националистов, дала им возможность ощутить своё неодиночество и двигаться дальше по этому русскому пути. И регистрация или нерегистрация тут, в конечном счете, была вторична.

Не все из этих «птенцов гнезда Крылова» оказались равноценны, но это уж как везде. Самое важное своё испытание «НДП» прошла в 2014 году, когда безоговорочно поддержала Русскую Весну – активисты «НДП» отправились сражаться на Донбасс, рекой потекла помощь, побывал и выступил в Донецке и сам К. Крылов. В отличие от некоторых других русских наци-

оналистов, внезапно начавших «заукраинствовать», Крылов был предельно четким. Безупречное «чувство врага» его не подвело и на этот раз.

Ту программу, которую Крылов предлагал для России, он выразил в замечательной брошюре «17 ответов», вошедшей, в том числе, и в составленную академическими исследователями антологию «Национализм. Pro et Contra» как характерный образец современного этапа русской националистической мысли (см. ниже).

Каким образом русские националисты собираются заниматься сбережением нации?

«Сбережение народа» – лозунг, выдвинутый впервые Солженицыным. Он подразумевает физическое, экономическое, культурное и национальное возрождение русских.

Начнем с самого простого, демографического аспекта. Численность русских стремительно сокращается. Основная причина – сверхсмертность, особенно мужская, не имеющая аналогов в современном мире (включая развивающиеся страны). Простой перечень уже известных причин сверхсмертности занял бы несколько десятков страниц убористого текста. Начать пришлось бы с актов геноцида (например, на Кавказе), а закончить – например, обсуждением химического состава содержимого пивных и водочных бутылок (которые содержат не только алкоголь, но и просто различные яды).

Но всё это разнообразие причин укладывается в одну парадигму: практически в каждом конкретном случае мы видим либо попустительство государства, либо его прямое поощрение тех или иных, губительных для русских, мер и действий. Фактически можно говорить о политике русоцида, истребления русских как народа.

Я сейчас не буду обсуждать вопрос о степени осмысленности и целенаправленности этой политики. Достаточно обозначить главное: прекращение русоцида во всех формах является первоочередной задачей русского национального государства. Без этого все остальные меры – типа «повышения рождаемости» и т. п. – не будут иметь никакого смысла…

Русские националисты способствуют сбережению русского народа уже сейчас. Хотя бы тем, что именно русские националисты сейчас являются единственными строителями гражданского общества в России. Именно русские националисты помогают людям защищать себя в опасных ситуациях столкновения с антирусскими силами (в том числе государственными), организуют их и направляют их усилия в конструктивное русло. Так, в последние годы развивается русская правозащита, причём каждый успех в этом направлении оказывает оздоровляющее моральное влияние на множество людей и служит примером обществу в целом – точно так же, как каждая неудача, каждый акт несправедливости по отношению к любому русскому человеку оказывает негативное влияние на общество в целом…

Я уже не говорю о том, что само сообщество русских националистов является более здоровым, – биологически и морально – чем русское общество в среднем… Русский националист понимает, зачем живет. Вокруг него – не черная дыра, а родная земля, которую он должен вернуть себе и завещать потомкам. Он знает, что его жизнь имеет ценность, его усилия не тщетны, а враги, хотя и сильны, но всё-таки не всесильны. У него есть за что уважать себя – в сегодняшней ситуации само участие в русском движении является достаточным поводом если не для гордости, то для самоуважения. Возможно, ему не хватает уверенности и он не всегда понимает, что делать – но, по крайней мере, у него есть ориентиры.

Что именно хотят построить в России русские националисты в случае прихода к власти?

Русское национальное государство… Русское государство будет строиться по принципу «никогда больше». То есть: все его институты должны работать на то, что завоеванные русскими права и свободы не могли бы быть у них отняты снова, чтобы никогда больше не повторился русоцид… [5]

Разумеется, в крыловских национал-демократических построениях было много наивного. Например, популярная среди национал-демократов идея о том, что раз русских в стране большинство, то национальные и демократические цели априори совпадают. Это не так. Нация, как прекрасно показал сам же Крылов в теоретических работах, это холистическая целостность, действующая в большом времени. Современная демократия же обращается к гражданину как к индивиду, действующему в своих частных интересах.

Национальная рамка – общность языка, ценностей, традиций, культуры, психологии, создает возможность демократического процесса. Но сам демократический процесс направлен на разделяющие нацию, агрегированно-частные ценности партий. Нация как целостность оказывается в демократическом обществе политической сиротой и постепенно размывается до полного обрушения. Если же какие-то партии, обычно правые, ставят во главу угла национальное начало, то оно становится предметом политической дискуссии и борьбы. Да и национальное, как показывает история, защищается уже не в рамках демократических, а в рамках политических принципов.

Можно предположить, что в теории опорой национальной демократии должен быть индивид с воспитанной в нём ясно выраженной национальной идентичностью. Будучи сам национален, он как избиратель и политик попросту не сможет действовать против национальных интересов. Но в этом тоже есть элемент наивности. Национальное, как и любая другая ценность, может подвергаться разными русскими националистами разной интерпретации. К примеру, мы с Крыловым оба русские националисты, в целом единомышленники, постоянно сотрудничали, однако наши взгляды на значение православной традиции в русской национальной жизни расходились диаметрально. Причём если бы большинство избирателей приняли точку зрения одного из нас – другой, наверняка, никогда бы её не принял даже в этом случае.

При этом та или иная точка зрения, являющаяся в долгосрочных последствиях антинациональной, может разделяться большинством избирателей, даже если все они принадлежат к одной нации. То есть нация через демократические механизмы может навредить сама себе. Разумеется, это возможно и в случае злонамеренной автократии, и уж тем более олигархии. И демократия, выражающая общее согласие с правлением, это весьма добротный предохранитель. Но не более чем предохранитель. Рассчитывать на то, что правление большинства, если оно принадлежит к одной нации, окажется тем самым национальным, было крайне наивно.

Не случайно оказалось, что все старые демократические национальные государства, включая такие подчеркнуто этнократические как Ирландия, подорвали собственные нации, иногда, как во Франции или США до состояния, близкого к аннигиляции. Такие демократические нации как венгры или поляки, для которых самосохранение стоит на первом месте, всё дальше отворачивают от чистой демократии (где на смену националистам завтра могут прийти антинационалисты) в сторону выраженного национал-авторитаризма. Демократическая Нация-Суверен подтачивает себя как холистическую Нацию-Этнос. Чтобы сохранять себя как нацию, она должна быть выше своей демократии и своего «народного суверенитета».

---

[5] *Крылов, К.А.* 17 ответов на вопросы русским националистам // Национализм: pro et contra. – СПб: РХГА, 2017. – С. 696–724.

Но всё это мысли и сомнения с дальним прицелом. Чтобы их высказывать, сначала нужно было проговорить базовые принципы русской национальной демократической политики, – а Крылов умел четко проговаривать то, что надо проговорить, и артикулировать то, что надо артикулировать, как никто другой. Его национальное чувство самосохранения, в любом случае, было выше любых сомнений. Он всегда и во всём был за русских и никогда не ставил выше русских никаких других лояльностей, доктрин и принципов.

В последние годы в К. Крылове, конечно, стали нарастать определенное разочарование и усталость, связанные как с полной бесперспективностью любых политических усилий, так и со сдающим здоровьем. «Розановские» провокативно-негативистские нотки в его голосе стали звучать всё чаще.

Здесь выявилась та самая проблема, которая изначально была заложена в его дуалистическом мировоззрении. Он всё время смотрел злу в лицо, ходил слишком близко от Ангра-Манью [6], при этом не отдавая себе в полной мере отчета в том, что злое начало может находиться не только вовне, но и нашептывать изнутри (это первое, что узнает человек из православной аскетики). Совершенно дикие внутренние импульсы он, по возможности, сублимировал в отвратительной глумливой поэзии от имени «Юдика Шермана», но в какой-то момент этот абсорбент, видимо, переставал справляться с «сублимированием» и ко мне обращались возмущенные знакомые: «Ну как такое можно писать?»

Я утешал их: мол, Крылов, написавший то, что он уже написал, может дальше писать почти всё угодно. А сам Крылов (в этом заключался своего рода компромисс) всё больше начал превращаться в Михаила Харитонова – великолепного писателя-фантаста, чей парадоксальный талант не могли не признавать даже враги (и это обеспечивало ему хотя бы пятачок пространства для социального признания и востребованности).

В 1999 году в разгар натовских бомбардировок Сербии он написал язвительный фантастический рассказ «Всегда Coca Cola», посвященный тому, как в будущем Соединенные Штаты превратят гуманитарные бомбардировки в шоу-бизнес. И подписал его «Михаил Харитонов». С этого момента и начался удивительный путь этого писателя-фантаста, которого из западных коллег я бы сравнил, пожалуй, с Филиппом Диком. Пугающие антиутопии, саркастическая конспирология, безжалостное вскрытие подноготной всего человеческого, нечеловеческого и недочеловеческого. Всё это собрано в двухтомнике, который выпустило в 2010 году издательство «Владимир Даль».

Затем последовал законченный и ждущий публикации роман «Факап», по сути перезагрузивший и отменивший «вселенную» братьев Стругацких. Удивительное сочетание классической фантастики, производственного романа об управленцах среднего звена, дневника «маленького человека», выполненного в лучших традициях Гоголя и Достоевского, и историософско-религиозного конспирологического романа. Всё это помножено на «фанфик» [7], после которого «оригинал» знаменитых братьев, на мой субъективный взгляд, потерял всякое значение, оставшись лишь расширенным приложением к «харитоновской» фантастической вселенной.

Не законченным осталось, увы, обширное повествование «Золотой ключ, или Похождения Буратины» – «нечеловеческая комедия», как определил её автор. Огромный раблезианский сатирический роман, который, возможно, будет оценен в полной мере лишь через столетия после его написания.

После схода со сцены поколения Солженицына и Шафаревича, Крылов остался крупнейшим национальным умом России. Однако если к А. Солженицыну, Э. Лимонову, А. Дугину, даже к автору этих строк (всегда во многом остававшемуся лишь учеником Крылова) пришло

[6] В зороастризме – бог тьмы, первоисточник зла. – *Прим. ред.*

[7] Любительское сочинение, созданное по мотивам известного литературного произведения. – *Прим. ред.*

какое-никакое, пусть полуофициальное и застенчивое признание, Крылова официоз продолжал ненавидеть, чураться, игнорировать. И этого разделения государства и виднейшего русского ума уже не исправить, хотя именно оно и подтверждало правоту всех тех злых слов, которые он говорил в адрес нашей власти.

Последнее что я прочел от него в соцсетях – было поздравление православных с запрещенной «по случаю ко-вида» Пасхой, сопровождавшееся выражением сочувствия большинству и восхищением меньшинством, которое решилось праздновать, несмотря на все запреты. Очень жаль, что ему так и не суждено было прийти к Христу; огромность этого ума местами порождала и огромную слепоту, а жизненной дистанции не хватило, – он ушел непоправимо рано.

Но у Крылова на том Суде будет могущественный заступник, тот, о ком он говорил с уважением и теплотой в течение всей жизни: «Существует только одна историческая фигура, которая является полной и абсолютной противоположностью не то что какому-то “Сталину”, а вообще всей советчине в целом. Это Государь Император Николай Второй, безупречный человек и великий политик, поднявший Россию и русский народ на небывалую высоту – и убитый именно за это». Молитвами святого государя, Господь да помилует этого блистательно умного и рыцарственного человека, сражавшегося всю жизнь за Россию и за русский народ, а значит и за дело Божие.

Нам же остается только оплакивать то, что он ушел от нас так безвременно рано, постигать его творческое наследие, не превращая его в непогрешимый «коран» (как всякий гений с большим размахом мысли он бывал неправ и весьма часто), но не пропуская ни единого из бесчисленных оставленных им мысленных сокровищ.

Е. С. Холмогоров

Прошлое

Кто прошлое помянёт

В городе Орле открыли памятник Ивану Грозному

Мероприятие было торжественном, в особом формате официально одобренного – но как бы и не только официального – мероприятия. То есть на нём присутствовал глава региона, Владимир Потомский (то есть человек, дышать боящийся без санкции федерального центра), но присутствовали также Проханов, Кургинян и «Хирург» Залдостанов. То есть личности, чьё положение можно определить как «внесистемные пропутинцы» или «неофициальные любители начальства». Насколько они внесистемы и неофициальны, вопрос отдельный, но подают они себя именно так. Что и позволяет им светиться там и говорить то, что настоящему большому начальству являть наружу несколько некомильфо. И это как раз такой случай. Все эти товарищи воспели Ивану Грозному полагающуюся осанну.

Ожидался ещё и Владимир Мединский, да не приехал. Зато высказался. И высказался более чем ясно.

«*Установка монумента Ивану Грозному в городе Орле сегодня – это не только дань памяти царю и воину, но и признание преемственности всех этапов нашей истории*», – отметил он.

Собственно, моя статья будет посвящена именно этому замечанию. Потому что по поводу самой фигуры Грозного – и почему её нам навязывают – исчерпывающе высказался Павел Святенков, а по поводу исторических заслуг персонажа (действительных и мнимых) – историк Сергей Сергеев. Тут, в общем-то, всё ясно. Разве что стоит отметить, что грознобесие служит ещё и очередной антиромановской компании: любители «грозного царя» дружно засвиристели о том, что «рюриковича» оклеветали-де «немцы романовы». Ну, бешенство красной матки, охватывающее её всякий раз, когда случается вспомнить ненавистных Романовых, понятно. Как и любовь именно к Грозному – которого при жизни величали «английским царём».

«Нешто мы таких вещей не понимаем», ага-ага.

Я также понимаю, почему многие приличные вроде бы люди радуются установке этого памятника. Это у них типичное «назло мамке уши отморожу». Поскольку против памятника выступают всякие неприятные фигуры – «шендеровичи», условно говоря, – то, думают они, всё, что злит «шендеровичей», хорошо. Увы, русский народ чрезвычайно доверчив, простодушен и «шендеровичам» верит. Если не в том, что они говорят, так в том, что они из себя изображают. И когда «шендеровича» вроде бы плющит и колбасит от чего-то, все ликуют. На самом деле «шендеровичу» плевать на какой-то там памятник. Нет, даже не так: он рад, что глупцы поставили такой памятник, теперь можно будет всю оставшуюся жизнь им это поминать и над ними издеваться.

А вот мантра насчёт «преемственности» – поскольку она повторяется регулярно и для нашего начальства явно очень важна – заслуживает особого внимания.

Я регулярно слышу и читаю по поводу тех или иных событий, происходивших в России (особенно – страшных и омерзительных), что они, оказывается, составляют «часть нашей общей истории». Чья эта «наша общая история» и кто такие «мы общие», обычно не упоминается. Если долго приставать, то выясняется, что это «наша общая российская» история. Впро-

чем, иногда её могут назвать и «русской» – если события имеют откровенно антирусский смысл (что, как правило, и бывает).

Если события сводятся к очередному геноциду, истреблению, ограблению и унижению русского народа, то в таких случаях обычно добавляют – «так ведь это никакие не враги, а мы сами это сделали». Особенно часто это повторяется, если это сделали именно что нерусские – и, более того, откровенные враги русских.

Далее, эту «нашу общую историю» нужно, оказывается, «целиком принять». Что подразумевается под этим «принять», обычно не уточняется. Если, опять же, как следует потрясти проповедника подобной точки зрения, то, после долгого мумуканья и бухтенья, выяснится, что речь идёт вот о чём. Русские, оказывается, не должны сердиться на тех, кто устраивал им кровавые бани, разорял, унижал, отнимал имущество и т. п. Они должны «принять всё это» как «часть своей исторической судьбы», не называть тех, кто это делал, плохими словами, и ни в коем случае даже и не думать о современных выгодополучателях всех этих злодеяний. А также о тех, кто и сейчас разделяет их воззрения, почитает их как своих учителей (а то и предков) и хочет снова сделать с русскими то же самое.

Возьмём, к примеру, того же Грозного. Что, собственно, имеется в виду под «признанием преемственности»? Может быть, фигура Грозного недостаточно освещена, пребывает в незаслуженном забвении? Да нет, она известна в русской истории даже слишком хорошо. Далее – может быть, забыты какие-то его славные деяния, и вот только теперь они обнаружились? Нет, всё славное, что он совершил, тоже хорошо известно. О чём же тогда спич? Всё очень просто: нас пытаются заставить полюбить самые гнусные, самые страшные события этого царствования, прежде всего опричнину.

То есть массовое и чудовищно жестокое уничтожение людей как самого высокого звания, так и самого низкого. Насчёт последнего – почитайте, почитайте тогдашние казённые отчёты: «*Такого-то опричные замучили и двор сожгли и з скотиною и з животами», «немцы убили, а жена с голоду мертва*» (да, Грозный царь обожал иноземцев и их руками убивал русских). И вот это всё нужно, оказывается, «принять и благословить».

Или вот – такое мерзостное явление, как евразийство. По сути, речь идёт об обелении и «включении в русскую историю» татаро-монгольского ига, которое сломало русскую историю и отбросило Россию на века. Мы обязаны игу практически всем худшим, что было у нас до 1917 года. Так вот, были приложены огромные усилия, чтобы все творившиеся тогда мерзости и ужасы сделать «неотъемлемой частью нашей общей истории». Достаточно вспомнить чудовищные сочинения Гумилёва, полные безумных и бесстыдных восхвалений «широкогрудых батыров» (резавших русских почём зря), а также доказательств того, что русские прожили своё и теперь им пора «под травку» – видимо, чтобы освободить место для народов помоложе… Ну, сейчас уже известно, что евразийство было создано чекистами в двадцатые годы в качестве резервной идеологии, если вдруг коммунизм не проканает. Но вот по поводу культа Грозного и прочей «нашей общей истории» такой ясности почему-то не наблюдается.

А зря. Абсолютно все завывания на тему «единства истории» – это большевизм и чекизм. Цель у них одна-единственная. Большевики и чекисты хотят, чтобы тем же манером «приняли и благословили» их собственные злодеяния. Превосходящие по мерзости деяния ветхого Грозного и даже монголо-татар на несколько порядков, но «надо же с чего-то начинать».

Что такое большевики? Это люди, которые убили десятки миллионов русских людей (причём сознательно убивали лучших – только за то, что они были русскими и лучшими), остальных ограбили, лишили собственности, человеческих прав, держали в рабстве, нещадно эксплуатировали, разорвали русский народ на части, создали из диких племён новые народы, которые кормили и разгуливали за русский счёт. А в конце концов – переписали всю созданную русскими за семьдесят лет каторги крупную собственность на кучку инородцев, уголовников и шпионов, сами же уселись сверху этой кучки. Не забыв щедрейше вознаградить всю нерусь

собственной государственностью (на оторванных у русских землях, политых русской кровью) или привилегированным положением внутри т. н. «Российской Федерации». Всё это вроде как делалось по плану и в интересах международной террористической организации «Интернационал», контролируемой откуда-то из-за рубежа… В общем, «прекрасно, просто прекрасно».

Заметим, что я перечислил общеизвестные факты. Нынешние большевики и большевизаны их, конечно, пытаются отрицать – в стилистике «а вот тут мы убили не миллион, а только семьсот тысяч, вывсёврёти, ура-ура, бе-бе-бе». Но любому психически здоровому человеку понятно, что такого рода оправдания могут всерьёз рассматриваться только людьми психически больными. Ну или ценителями творчества Хармса, блестяще воспроизведшим большевицкую логику: «я не насиловал Елизавету Антоновну: во-первых, она уже не была девушкой, а во-вторых, я имел дело с трупом, и ей жаловаться не приходится» (большевики говорят об убитой ими Российской Империи буквально то же самое).

Так вот, все эти сто лет советско-постсоветской большевицко-чекистской власти (которые всё никак не закончатся, и неизвестно, закончатся ли вообще – но не будем о грустном) нам, её жертвам, предлагают *признать* и *полюбить*. Полюбить как «часть нашей общей истории», без которой мы, вероятно, чрезвычайно обеднеем. Ибо история – она такая, знаете ли, непрерывная, из неё нельзя, ну вот просто никак нельзя делать вырезок и исключений, а то будет бу-бу-бу что.

На самом деле, конечно, никакого бу-бу-бу не случится. Наоборот: историческое мышление народа приобретёт столь необходимую ясность. Некий период времени будет отмечен чёрным. Да, именно чёрным. Это совершенно естественно и нормально.

Чтобы не ходить далеко за примером – раскроем Библию. В истории еврейского народа есть периоды, про которые известно одно: евреям тогда было плохо. И вот что удивительно – эти периоды, иногда весьма долгие, просто не считаются частью священной еврейской истории. И никакая сволочь не посмеет вякнуть, что надо бы их туда интегрировать, полюбить эти времена, гордиться ими.

Представьте себе такую картину. Моисей ведёт свой народ по пустыне, по пути встречается с Богом, записывает и редактирует Тору. И доходит до того момента, когда описывается, что евреи оказались в рабстве у египтян. И вот он пишет: «*Египтяне с жестокостью принуждали сынов Израилевых к работам и делали жизнь их горькою от тяжкой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью…*»

И тут вдруг соткался из воздуха некий старец, по виду прямо министр культуры. И говорит он Моисею: «*Что такое ты тут пишешь? Понимаешь ли ты, что пытаешь украсть у еврейского народа двести лет? Ведь целых целых двести лет евреи жили в Египте! Да, всякое было, но это ж история! Зато они прониклись египетской культурой и сами внесли в египетскую культуру огромный вклад! Вспомни величественные дворцы, которые еврейские рабы строили для фараонов – разве это не предмет величайшей гордости? А почитание жуков, шакалов и змей – разве это не драгоценное культурное наследие? Неужели ты хочешь лишить свой народ всего этого? Да ты же сам по рождению египтянин, ты воспитывался в царском дворце, забыл? Значит, ты и есть египтянин! Отрицая это, ты предаёшь своих воспитателей, твою названную мать, дочь фараона! Как не стыдно! Фу! Бэ!*»

На это Моисей ответил бы, наверное, так:

«*Да, мы не считаем двести лет рабства своей историей. Время рабства – это чужая история, это история рабовладельцев, а не рабов. У нас своей истории не было. Нет, мы не гордимся дворцами и пирамидами, построенными нами для египетских вельмож. Что касается египетской культуры, мы хотим одного – полностью от неё очиститься и забыть египетские мерзости. Мы не хотим иметь с Египтом ничего общего, вообще ничего. По поводу же дочери фараона, меня воспитавшей – она была доброй женщиной, и я ей благодарен. Но*

только ей – и только я. Всему остальному еврейскому народу не за что благодарить египтян. Убирайся».

Ровно то же самое русские должны сказать на все завывания о «единой истории». Нет. В нашей истории есть страшные пропасти и провалы, и прежде всего – время с 1917 года. *Это не наша история.* Всё, что происходило в это время – чужое и враждебное нам. Впрочем, никоим образом нельзя *забывать* о том, что с нами делали. Память о страшных русских страданиях под большевиками должна стать *основой* русского мышления на ближайшую тысячу лет. Это то, что заслуживает только ненависти – а всё, что мы будем делать дальше, должно быть посвящено разрушению большевизма и предотвращению его нового прихода. «Больше никогда» – вот что нужно сказать и вот что нужно сделать нам, русским, после освобождения от большевицкого ада (в котором, напоминаю, мы до сих пор и пребываем).

Ровно так же – не по накалу чувств, но по знаку их – следует относиться и ко всему тому, что было в русской истории мерзостного и дурного. В том числе и к Ивану Грозному, мучителю и убийце русских людей, мучителю и убийце во имя своего безумия, гордыни и чужебесия (он русских ненавидел и предпочитал иностранцев – что никогда нельзя забывать и не уставать напоминать всегда и везде).

На это более-менее подкованные люди отвечают примерно следующее. Это ты, Крылов, морализируешь как дурак. А вот умные народы, вроде англичан, любят-обожают всех своих уродов и всем им памятники ставят. Вот, например, Генрих VIII Тюдор, который натворил дел не меньше, чем Иван IV – и с папой поссорился, и церкви с монастырями грабил, и жён менял как перчатки (одна история с Анной Болейн чего стоит), и массу всякого прочего народа перебил. Как пишут биографы, «деспотизм этого короля как в государственной, так и в личной жизни не знал никаких границ». А всё же в Лондоне стоит ему памятник!

Увы. Такого рода рассуждения – на тему того, «как у них там всё» – полезны только в том случае, когда они доводятся до конца. То есть когда мы узнаём в точности, как у них там всё на самом деле, и понимаем, почему и зачем это.

А именно. Памятник стоит в портике старинного госпиталя Святого Варфоломея (St Bartholomew's Hospital). Стоит он не просто так, тут была история. Во время разорения монастырей были закрыты также многие организации, занимавшиеся благотворительностью. Однако госпиталь тиран пощадил, передав его в ведение Лондонского Сити. За что ему в 1702 году и поставили памятник.

То есть смысл установки этой статуи следующий. На первом уровне – традиционный английский индивидуализм и примат частных интересов: да, король был плохой, но вот персонально нам он сделал хорошо и мы его за это персонально благодарим. Имеется и второй уровень: памятник поставлен, по сути, не самому королю, а одному из его немногих хороших поступков: «добродетель надо вознаграждать, даже если её проявляет сущий злодей». Есть и третий уровень, понятный в исторической перспективе – но он уже выходит за рамки статьи… В любом случае – это не «своему плохому тирану поставили памятник, потому что история Британии едина» и т. п. Это сложная европейская игра со смыслом. И – да, разумеется, жертвам короля стоят памятники (например, той же Анне Болейн). А вот его дочке Марии Тюдор, которую прозвали Кровавой Мэри, в Англии не стоит ни одного памятника – поскольку она ничем, кроме расправ над англиканами, не прославилась. Зато есть известный коктейль с водкой в её честь – достойное воздаяние и правильное использование исторического имени.

Но мы *такие* вещи делать не умеем. По крайней мере, пока. Нам бы самые-самые азбучные истины освоить. Хотя бы те, которые русские раньше прекрасно понимали.

Например. Есть такая большевицкая традиция – обрывать старинные русские пословицы. Которые от этого не просто лишаются смысла, но становятся прямо вредными.

Так вот, ниже приведён полный текст одной очень хорошей русской пословицы. На первую часть которой любят ссылаться всякие негодяи (в том числе и любители «историче-

ской непрерывности» и тому подобного). Но у неё есть и вторая часть. Так читайте и потом не говорите, что не читали.

Кто прошлое помянёт – тому глаз вон. А кто забудет – тому два.

О некрополитике

Глеб Павловский в ФБ язвительно сострил: «Мёртвые вечно кому-то мешают, опять и опять. Не так лежат!»

В комментах – обычное остроумие на тему «какие дураки те, кто интересуется прошлым, надо жить настоящим, надо думать о будущем» и вот это вот всё.

Прямо под постингом Павловского в ленте сообщение от Y-Jesus. «Восстал ли Христос из мёртвых? Исследователи изучают факты».

Ах какие глупые люди. Две тысячи лет прошло, а они всё интересуются – что там случилось с этим покойником.

Тут, конечно, можно отговориться – они-де дураки и религиозные фанатики. Но вот недавно в очень рациональной Британии случилась такая история. Несколько лет назад британцы обрели останки короля Ричарда III (в британской историографии – крайне негативный персонаж, которому приписаны все пороки, включая уродство и горб во всю спину). Останки нашли во время ремонта на парковке в центре Лестера. Там, дескать, был древний монастырь. Сделали генетическую экспертизу. Доказали (ну или «доказали»), что останки действительно королевские. Заодно заявили, что король не был уродом и горбуном. И торжественнейшим образом похоронили в Лестерском соборе. Народу на похоронах была тьма-тьмущая, включая потомков короля (среди которых, кстати, всеми нами любимый Камбербэтч). Баба Лиза не приехала (что очень активно обсуждалось), но прислала графиню Уэссекскую Софи и герцога Глостерского.

Тут можно сослаться на то, что это «для туристов сделали». Хорошо, едем дальше. Был такой поэт Байрон, человек сложной судьбы. Под конец жизни он очень увлёкся освобождением греков (чему способствовали обычные английские вкусы в известной области). В конце концов, он умер от лихорадки. Сердце похоронили в Греции, тело – в церкви Святой Марии Магдалины в Ноттингеме. Так вот, в 1969 году ему поставили кенотаф в Вестминстерском аббатстве. Видимо, в знак признания того, что покойник всё это время не так лежал. А может, и так – но время переменилось, и теперь можно его перенести и в более почётное место.

При этом все почему-то убеждены, что в Англии ничего не меняется, в том числе и картина прошлого. Ага-ага, англичане *постоянно* пересматривают свою историю, непрерывно над ней работая. Другое дело, что они это делают именно что *постоянно*, каждую минуту что-то подкручивают и подпиливают. Без авралов и больших сломов. Но – постоянно.

Что сказать хотел-то. Дикари, животные и дети «живут настоящим и будущим» и не интересуются, правильно ли лежат их мёртвые. А Белые Люди *бесконечно интересуются прошлым*, даже очень древним. И *очень тщательно следят*, чтобы все покойники лежали правильно. Чтобы как надо лежали. Потому что от этого зависит очень многое. Так что в этом деле *порядок* нужен. И порядок этот *очень важен*.

Хотя, конечно, никто не неволит. «Покрывайтесь вы хоть коростой». А также сидите на куче непогребённых трупов советских солдат, держите Ленина в мавзолее и т. п. Какая к чёрту разница, как покойники лежат, ага-ага.

Ну и останетесь с чёртом.

Похвала косоворотке

То, что вы сейчас читаете – это что-то вроде заметок на полях статьи «Что нужно сделать для возрождения русского национального движения» публициста Егора Погрома, опубликованной на сайте «Спутник и Погром».

К сожалению, этот сайт на территории Российской Федерации заблокирован Роскомнадзором. Наверное, для блокировки были основательные причины, о которых не мне судить. Однако же прочитать этот текст, не нарушая закона, граждане РФ не смогут. Я её тоже не читал – мне вкратце пересказал содержание один добрый самаритянин. Теперь я перескажу этот пересказ читателям. И да простит меня автор, если я чего напутаю.

Итак. В настоящее время русское движение переживает не лучшие времена. Все политические организации разгромлены властями, русские СМИ разогнаны, люди деморализованы. Тем не менее запрос на русскую тему не исчез. Тем, кто хочет принять участие в его возрождении, Егор Погром даёт добрый совет.

Конкретно: он предлагает создавать русские неполитические структуры, ориентированные на получение прибыли («генерацию денежного потока»). Это может быть малый бизнес (какой-нибудь шиномонтаж, например), НКО, бизнес с социальной составляющей, образовательный или медийный проект. Структуры эти должны быть неполитическими и безо всякого «экстремизма». Однако состоять они должны из русских националистов или просто русских людей, настроенных нейтрально или благожелательно к русской теме. А дальше – пахать и пахать, одновременно заражая национальной идеей хотя бы свой маленький коллектив. Старательно избегая всего, что может стать основанием для преследований со стороны государства и его структур – таких, как ЦПЭ [8]. В заключение Егор добавляет, что только долгий упорный труд спасёт русский народ в целом и русское движение в частности. «Вот как-то так».

Сразу скажу: всё это совершенно правильно. Более того: об открытии собственных бизнес-структур, с которых капали бы какие-то денежки, активисты русского движения мечтали ещё в прошлом тысячелетии. Нельзя даже сказать, что они ничего не делали. Попытки открыть пекарню, авторемонтную мастерскую или собственное издательство предпринимались неоднократно. Некоторые такие структуры существовали довольно долго. Однако, как это ни печально, особенного вклада в русское дело они не внесли – ни материального, ни духовного. С другой стороны, Егор прав в том, что все чисто политические объединения – обычно безденежные, функционирующие на голом энтузиазме или за счёт спонсорской помощи – тоже пользы Отечеству не принесли. А только лишние звёздочки на погоны полицейским начальникам.

Это не значит, что всё, что делают русские активисты, тщетно. Тот же «Спутник и Погром» был крайне успешным проектом. Или, скажем, издательство «Чёрная Сотня» – слава Богу, живое. Но даже «если что»: выпущенные им книжки будут стоять на полках, а название – жить в умах. Или вот, скажем, какие-нибудь «Русские пробежки» – их пришлось давить много лет подряд, упорно и нездравоосмысленно. Раздавили, но люди до сих пор помнят, что «это было здорово».

Что объединяет все более-менее успешные русские проекты? Пожалуй, одно. Все они в той или иной степени работали (или работают) на *русскую национальную субкультуру*. Которой русским националистам сейчас остро не хватает.

[8] Центр по противодействию экстремизму (ГУ) МВД. – *Прим. ред.*

– 1 —

Слово «субкультурщина» в среде русских националистов образца десятых годов было и остаётся ругательным. Это связано с родовой травмой русского движения – а именно, его рождения из «правой тусовки».

Тут придётся остановиться. Никакой единой «правой тусы» в России никогда не было. Существовал рыхлый конгломерат движений, групп и отдельных людей, которых в «правые» заносила правящая либеральная туса (всегда остававшаяся единой, монолитной и ресурсно-обеспеченной, несмотря на мелкую грызню внутри).

Очень условно «правых» времён 1990–2010-х можно было разделить на три потока. А именно: молодёжные правые субкультуры (высшим выражением которых стали русские скин-хэды), русские старопатриоты («красно-коричневые», как обозвали их сторонники Ельцина в 1993-м), и, наконец, «политические националисты» – то есть участники первых проектов оформления русского движения в политическую силу. Были также попытки объединения – например, РНЕ в её классическую эпоху можно было отнести и к первым, и ко вторым, и к третьим. Однако, в общем и целом, эти три потока не слились в нечто единое. Почему – см. ниже.

Начнём наш обзор с «правой молодёжи».

– 2 —

Русское скинхедство возникло как подражание западной (как правило, англоязычной) молодёжной субкультуре. Уже обустроенной, оформленной, со своей символикой, этикой и практикой. Бритоголовые парни в чёрном, в тяжёлых ботинках *Dr. Martens*, лупящие почём зря всяких цунарефов, тогда выглядели круто. Что соответствовало духу времени.

Первые скины появились в России в начале девяностых. Как говорят люди знающие, их запустили на орбиту гебешники и менты – чтобы иметь повод пугать обывателя русскими фашистами. Кто знает, кто знает. Однако образ скина оказался привлекательным, а идея «бить хачей» – востребована. Движение начало развиваться. Примерно с середины девяностых шёл рост рядов: от сотен к тысячам. Появились скин-издания (с характерными названиями типа «Уличный боец» [9] или «Отвёртка» [10]). Родились собственные музыкальные группы. Самый известная из них – «Коловрат» – существует до сих пор. В отличие от самих скинов: когда сверху была дана команда «давить нациков» и начались многонациональные истерики, скинов начали отлавливать и сажать на большие срока. Кто остался на свободе – те прижукнулись и теперь ходят тихо, боясь собственных татуировок.

Как я уже написал выше, многие считают, что скинхедское движение с самого момента зарождения контролировалось российскими спецслужбами и полицией – что и позволило полностью его свернуть, когда вышел соответствующий приказ. Это мы оставим в стороне. Так как и помимо этого у скинхедского движения были врождённые свойства, не позволившие ему стать началом сколько-нибудь широкого национального движения.

Все они касались именно свойств субкультуры.

Во-первых, для вхождения в эту субкультуру нужно было соответствовать довольно серьёзным требованиям. А именно – быть молодым, физически крепким и морально готовым бить морды (а также попадать в ментовку).

---

[9] Издание внесено в список экстремистских материалов.

[10] Издание внесено в список экстремистских материалов.

Из первого вытекало второе. Субкультура была рассчитана не на то, что общество будет усваивать её ценности – а на конфликт с этим самым обществом. Грубо говоря: родители сына-скинхеда и его собственная супруга (если была) в подавляющем большинстве случаев скина не одобряли (и это ещё мягко сказано). А уж о том, чтобы самим податься в скины, и речи быть не могло.

Из этого следовало третье: «скинхедство» было явлением временным, рано или поздно скинхэд уходил из движа – кто по возрасту, кто «просто умнел». Иногда поддерживая контакты с бывшими соратниками, иногда нет. Но, в общем и целом, это было явление молодёжное.

И наконец – главное. Ничего национально-русского у скинов не было. Начиная с атрибутики и кончая символикой и музыкой.

Впрочем, именно иностранное происхождение скинхедов работало им в плюс: всё западное и особенно англосаксонское пользуется в России громадным пиететом. Но если говорить о надеждах на то, что это перерастёт в «нацдвижение» – то увы.

– 3 —

Параллельно этому в России долгое время существовали «патриотические организации». Ну то есть те самые «краснокоричневые».

Самой известной из них был «Национально-патриотический фронт “Память”» и его многочисленные клоны и ответвления. Опять же – в соответствующей литературе стало общим местом то, что организация была создана и курировалась КГБФСБ, а основной целью её существования было запугивание обывателя – русского и особенно еврейского – «русским фашизмом». В самом деле, «русская алия» ранних девяностых была вызвана, помимо всего прочего, массовым ожиданием погромов.

Помимо «Памяти» существовало большое количество разных организаций той же примерно направленности. С узнаваемыми по стилю названиями типа «Всемирный русский собор», «Держава», «Народная национальная партия» и т. п. Из них до наших дней дожил бабуринский «Российский общенародный союз». Но большинство просто развалилось. Самые стойкие дожили до того времени, когда начались серьёзные государственные репрессии – как, например, РОНС [11] (каковая, кстати, была одной из самых трезвых и разумных организаций этого толка).

Вокруг этих объединений и внутри них тоже сложилась субкультура. И тоже вполне узнаваемая. Её можно описать тремя словами: «водка, антисемитизм, сталинизм/монархизм». Это последнее многие почему-то называли «православием».

Соответственно, типичный участник такого рода организации выглядел так: потёртый мужичок средних лет или старше, в подпитии рассуждающий о том, как всевеликий Сталин в тридцать седьмом побил евреев.

Алкоголизм патриотической публики имел советское происхождение. Соответствующие инстанции вообще поощряли русский алкоголизм, и именно водочный. Во-первых, «пьющий человек» слаб и болтлив, вся его энергия уходит в пьяные разговоры. Во-вторых, водка – пойло позорное хотя бы потому, что она не имеет вкуса и является продуктом химической промышленности. Начальство попивало коньячок, нерусские инородцы – качественные напитки местного производства. На этом фоне демонстративная трезвость тех же скинов, которым водку заменял спортзал [12], выглядела куда привлекательнее.

---

[11] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

[12] Буквально так: выпивка и интенсивные занятия силовыми упражнениями оказывают на психику довольно схожее действие. Как раз поэтому энтузиасты спорта часто «упарываются по ЗОЖ», то есть начинают проповедовать «здоровый образ жизни» с безумным пылом.

О советско-российском антисемитизме я уже писал, повторяться не буду. Коротко говоря – антисемитизм в нашем местном изводе нужен не для того, чтобы противостоять евреям, а для того, чтобы внушить его адептам чувство абсолютного бессилия перед евреями, страх перед их сверхчеловеческими возможностями, а также боязнь хоть в чём-то им уподобиться (особенно по части эффективности, оборотистости и т. п. качеств). Кроме того, антисемитизм способствует постоянному выискиванию замаскированных евреев в собственной среде, с понятными последствиями.

Третьим пунктом шёл советизм в его наиболее мерзком сталинском изводе. К счастью, этим страдали не все. Например, в ту пору было довольно много монархистов. Но монархисты это были сталинско-советские. То есть это были поклонники тех царей, которых демонстративно любила советская власть – Ивана Грозного и Петра Первого. Причём любили они их прямо по советским учебникам: Ивана Грозного за опричнину и садизм, Петра Первого – что он ломал русских через колено, внедряя «просвещение». Впрочем, некоторые демонстративно почитали Николая Второго как святого, но в первом же разговоре на эту тему обычно признавались, что почитают его только как жертву большевиков, а так-то считают «николашку» слюнтяем и хлюпиком. И, разумеется, православие всей этой публики в большинстве случаев сводилось к воспроизведению рассказов о том, как Сталин по благословению тайных старцев-молитвенников выиграл Великую Отечественную войну.

В отличие от скинхедов, бравших новизной и иностранным шиком, эти опознавались национальным большинством как свои-родные. Однако отношение к ним было несерьёзное – по той же причине. Что касается атрибутики, у них её всего-то и было, что перхоть и залысины.

Тем не менее даже эти карикатурные объединения могли бы стать заметной силой. Поэтому государство предприняло специальные меры. А именно – была создана ЛДПР, которая и стянула на себя почти весь электорат подобных организаций. Поскольку предлагала тот же самый идейноэстетический продукт, но в максимально концентрированном виде. Что может быть убедительнее карикатуры?

– 4 —

Первой более-менее полноценной русской политической организацией была Русское Национальное Единство (РНЕ) [13]. На пике популярности у этой организации были тысячи действительных членов и множество симпатизантов. Оно породило определённую субкультуру, обломки которой пережили саму организацию (например, обращение «соратники», популярное в национальной среде, как минимум, до 2014 года).

История РНЕ достаточно известна, чтобы описывать её в подробностях. Вкратце напомним вехи. Оно возникло в 1990 году благодаря энергии и харизме Александра Баркашова [14], бывшего члена «Памяти», исключённого лично Васильевым. Организация была нацелена на силовые действия, которые в реальности возможны только при слабости или попустительстве властей. Власть в СССР – РФ никогда не давала слабину (хотя часто изображала нечто подобное) и никогда не попустительствовала никому, кроме собственных структур. РНЕ [15] могла бы вырасти в значительную силу, но отрастающие крылья ей регулярно отрезали.

Политическая платформа РНЕ [16] – и, что ещё важнее, её внутренняя субкультура – представляла собой попытку наложить «скинхедство» на психологию и мировоззрение взрослых

[13] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

[14] Для педантов: автор знает, что по паспорту он Баркашев. Смысла обсуждать этот вопрос он не видит, к теме статьи отношения не имеет: просто некоторые люди любят обсуждать третьестепенные вопросы.

[15] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

[16] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

людей. Попытка была небезуспешной, но получилось что-то вроде «фашизма» (который – настоящий, аутентичный – в значительной мере и был попыткой прививки «молодёжности» взрослым людям, трансляцией молодёжных ценностей тридцати- и сорокалетним [17]). Баркашов это вполне осознавал – и носил нарукавную повязку со «славянской свастикой». Выглядящей достаточно узнаваемо, чтобы её сразу опознать – и достаточно замаскированно, чтобы воспринимать эту маскировку как признание собственной слабости [18].

Всё остальное «авторитарно-фашистское», что предлагало РНЕ, выглядело примерно так же: не вызывая настоящего страха, пробуждало опасения. Постоянные же попытки Баркашова примазаться к власти – он регулярно поддерживал то Ельцина, то Путина – вызвали раскол уже в рядах самых преданных соратников. Демонстративное ультраправославие – доля которого в идеологии движения увеличивалась от года к году – тоже оттолкнуло часть людей. Всё кончилось тем, что Баркашов в 2005 году принял монашеский постриг, а организация распалась на мелкие осколки, потихоньку растворившиеся в окружающей среде.

В том же 2005 году заявило о себе Движение Против Нелегальной Иммиграции[19][20]. Эта организация была замечательна тем, что – впервые за всё время существования русского движения – публике была предложена реальная политическая повестка: борьба с миграцией (то есть с замещением русского населения азиатами, если уж называть вещи своими именами). Организация была настолько успешна, что по ней пришлось бить из главного калибра – то есть запрещать официально.

Однако с точки зрения *национального стиля* ДПНИ ничем себя не проявило. Всячески дистанцируясь от скинов, старо-патриотов, баркашовцев и т. п., она сделала ставку на то, что её члены вообще ничем не выделялись – разве что некоторые носили значки на лацкане пиджака. Символика организации тоже была нейтральной – даже её символ был перекрашенной копией дорожного знака 3.27 «остановка запрещена» [21]. На тот момент это было, наверное, правильным решением.

Организации, имеющей политические амбиции в легальном поле, не нужно слишком выделяться.

О других организациях – например, о «Славянском Союзе» [22] или «Северном Братстве» [23] – я говорить не буду. Не потому, что они не сыграли своей роли в истории движения, а потому, что с точки зрения поддерживаемых ими субкультур это было что-то вроде РНЕ [24], только попроще. Например, символика того же «СС» была тоже «криптоашистской»: название и флаг со стилизованной свастикой как бы намекали. «Северное братство» [25], отделившееся от ДПНИ, экспериментировало с языческой символикой. Всё это смотрелось так же, как и у РНЕ [26]: не слишком страшно, но достаточно стрёмно, чтобы обыватель одобрил репрессивные меры против «этих фашистов и экстремистов».

По ходу дела сложилась и общенационалистическая символика. Например, все – или почти все – русские националисты использовали в качестве символа чёрно-жёлто-белый

---

[17] Неудивительно, что главной песней итальянского фашизма стала “Giovinezza” («Юность»), а главной песней фашизма немецкого —“Die Fahne hoch, …” («Песня Хорста Весселя», нацистского штурмовика, погибшего в возрасте 23 лет).

[18] Именно такое сочетание максимально провоцирует агрессию. Представьте себе собаку, огрызающуюся, но при этом поджимающую хвост – вот примерно так это и выглядит.

[19] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

[20] Формально ДПНИ было создано в 2002 году, но известность получила несколько позже.

[21] Неутомимые либералы, впрочем, умудрились и в этом символе увидеть «развёрнутый на сорок пять градусов кельтский крест».

[22] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

[23] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

[24] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

[25] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

[26] Организация запрещена на территории Российской Федерации.

«имперский» флаг. Был популярен лозунг «Слава России» – увы, теперь он полностью забыт из-за украинского «Слава Украине». Но в любом случае: это была именно *политическая* символика.

– 5 —

Оставим, однако, политику. Потому что политика – дело важное, но заниматься ей может только меньшинство. Хотя бы из-за того, что это и рискованно, и малоприбыльно. Активист – это человек редкий. И чтобы дело делалось, на одного активиста должно приходиться десяток активно сочувствующих, а на каждого сочувствующего – десяток симпатизантов, которые способны оказать ему хотя бы моральную поддержку.

Русскому движению всегда не хватало именно этого – поддержки и симпатий. Русские обыватели вели себя как аморфная масса, которая не способна не то что на реальную помощь движению, но и на банальное выражение симпатий.

Связано это не только с тем, что «русские глупы и запуганы». Но и с тем, что в русской среде совершенно отсутствовала такая фигура, как национально-сознательный обыватель.

Чтобы понять, что я имею в виду, напомню кое-что из украинского опыта. До конца восьмидесятых годов пламенно украинствовать было достаточно сложно и опасно. Однако на Украине – особенно на Западе – существовал слой людей, которые демонстративно говорили на украинском языке, носили вышиванки, ели украинскую еду (и всячески расхваливали её), справляли украинские праздники, а ко всему «москальскому» демонстрировали презрительное неприятие. Советские законы они при этом не нарушали, открытым национализмом не занимались – просто «всем своим видом» показывали, что они именно украинцы, а не кто-нибудь ещё. И когда украинский национализм разрешили, он пошёл в быстрый рост именно потому, что такие люди были.

То же самое можно сказать о любом советском народе. Везде были люди, настаивавшие на своей национальной идентичности – без лишних слов, просто демонстрацией себя и своего образа жизни. Который имел явные черты субкультурности, но именно этим и был привлекателен.

В РСФСР некоторым подобием этого было сообщество православных верующих. В условиях полузапрета на религию крестик на шее, невступление в комсомол и регулярное участие в пасхальном крёстном ходе (и это когда по телевизору крутили «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» [27]) создавали особое ощущение общности – не только конфессиональной, но и национальной. Именно люди, воцерковлённые в брежневские времена, были одними из основных потребителей и распространителей «правого» самиздата – например, поздних книг Солженицына [28]. Увы, ныне церковность в её политическом измерении выродилась в нечто такое, о чём мне и писать-то не хочется. Почему так получилось – вопрос интересный, но отдельный.

Итак, возникает вопрос. Что я имею в виду. За последние двадцать лет сложился слой людей, готовых и желающих демонстрировать свою принадлежность к русскому народу. Но не настолько, чтобы участвовать в запрещённой или полузапрещённой политике, выходить на какие-то протестные мероприятия или даже финансировать политических активистов. Они хотят как-то *показывать* – себе и другим – что они русские, а не «многонациональные россияне». При этом заниматься радикальной политической деятельностью они не готовы. И потому,

---

[27] Которую показывали во время литургии в Великую Субботу ближе к полночи – чтобы молодые люди не ходили на Крёстный Ход.

[28] Стоит также отметить, что наличие в доме религиозной литературы как бы подготавливало человека к хранению литературы нелегальной. Библия не считалась совсем уж запрещённой книгой, но её наличие не одобрялось, её приходилось прятать от посторонних глаз и т. п. Это приучало к азам конспирации – а дальше появлялось и искушение их применить и для других целей.

что это страшно (власть и в самом деле лютует), и потому, что не с кем (большинство русских организаций или разогнаны, или бездействуют), и потому, что просто не видят в этом смысла. Этим людям нужна легальная, безопасная, спокойная, но вполне однозначная русская самоидентификация. Если угодно – *обывательская русскость.*

В русском движении к таким людям всегда относились без интереса. Как сказал мне в своё время один русский активист: «Зачем нам какие-то пассажиры? Нам нужны бойцы!» Сейчас человек в русском национализме разочаровался и ушёл в частную жизнь, так что не буду называть его по имени. Скажу только, что высказанное им воззрение в той или иной мере разделяли очень многие.

По прошествии времени я могу сказать, что это была ошибка. Отсутствие сложившегося слоя *сознательных русских обывателей* и соответствующей субкультуры (да-да, именно субкультуры) принесло русскому движению только вред.

Однако же. Для того чтобы такой слой сложился, нужна приемлемая для масс русская субкультура. Которую, разумеется, русские активисты должны продвигать – прежде всего собственным примером.

– 6 —

Любой народ, даже самый забитый и денационализированный, имеет свои бытовые привычки, обычаи, особенности поведения и так далее. Но в случае забитости и денационализации относится ко всему этому равнодушно, а то и отрицательно, как к признаку «отсталости». Соответственно, чужая культура воспринималась как носительница более высокой цивилизации. Состоятельный варвар времён Римской империи снимал штаны и облачался в тогу на римский манер. Богатый индус времён английского владычества переодевался в европейский костюм и заводил европейского повара. Советский человек боготворил джинсы и жевачку, а россиянин – одежду с импортным ярлыком. И так далее, и тому подобное.

Процесс это естественный. Обаянию более развитой культуры – особенно культуры мировых масштабов – противостоять почти невозможно. Если же кому-то это удавалось, то ценой консервации отсталости, причём вполне реальной. При этом национальная идентичность, разумеется, размывается.

Человек, одетый как все, едящий то же, что и все, слушающий ту же музыку, говорящий на «общем языке» – чем он отличается от этих «всех»? В лучшем случае смутными воспоминаниями о том, что его предки были кем-то особенными – ирландцами, пакистанцами или поляками. Последнее, что теряется – это национальные черты лица и цвет кожи. Но, чтобы поддержать идентичность, этого недостаточно. В каком-нибудь поколении дочка выйдет замуж за испанца, а сын приведёт в дом очаровательную тайку.

Добавим к этому, что в выигрыше оказываются как раз те, кто и прячется под словом «все» – т о есть природные носители какой-либо глобальной культуры. Сейчас это англосаксонская. Весь мир носит не «джинсы вообще», а *американские* джинсы, ест не «фастфуд», а *американский* фастфуд, говорит не на «всеобщем» языке, а на *английском* языке, слушает не «музыку вообще», а *англо-американскую* музыку. То есть аппроприирует элементы чужой культуры – которая при этом ставится выше своей.

Но некоторые народы умудрялись сохранять идентичность в течение тысячелетий, при этом оставаясь современными людьми, а не дикарями. Самый известный пример – евреи. Жители крупных городов и отдалённых местечек – они оставались евреями, несмотря ни на что. Даже появление Израиля – то есть исполнение национальной мечты – не привело к всеобщей ассимиляции оставшихся в рассеянии.

Обычно в качестве главного фактора, позволившего евреям сохранить себя, называют религию. Однако не стоит преувеличивать еврейскую религиозность – как и религиозный фак-

тор вообще. Более того, сами евреи упирают не столько на силу веры и вообще на «чувства», сколько на религиозно мотивированный *особый образ жизни*, который они ведут. Все детали которого направлены только на одно: на поддержание отличия евреев от неевреев. Это касалось буквально всех сторон жизни, и прежде всего – пищи, одежды, песен и праздников.

Начнём с темы одежды и внешнего вида вообще. Евреи всегда одевались иначе, чем окружающие их народы. При этом различия могли быть не слишком заметными (и раздражающими) для посторонних, но принципиальными для самих евреев. Иногда они сводились буквально к деталям – пейсам или нитям цицис, болтающимся из-под одежды. Иногда не было и этого (поскольку временами христианским правителям приходило в голову запрещать еврейскую одежду – чтобы потом, наоборот, запрещать евреям одеваться по-европейски). Но всегда и во всех случаях евреи старались отличаться от неевреев хоть небольшой особенностью. По хасидской легенде, даже праотец Авраам одевался иначе, чем окружающие его неевреи.

И ещё одна важная подробность. Всегда существовало различие между «светскими евреями», которые старались максимально уподобиться – даже внешне – христианам, и евреями ортодоксальными, носителями традиции. Которые всячески подчёркивали своё еврейство, в том числе и во внешнем облике. Иногда это выглядело смешно. Но стоит помнить: именно эти люди *всем своим видом* напоминали собратьям-евреям о том, что они евреи. Без бородатых и пейсатых раввинов, соблюдающих множество запретов и ограничений, не было бы и успешных еврейских бизнесменов и юристов, одетых по последней моде и с аккуратными висками.

– 7 —

Но отвлечёмся от еврейской темы. Возьмём совершенно иное время и совершенно иных людей. А именно – обратимся к истории фашизма. Мы привыкли воспринимать фашизм – что итальянский, что немецкий – как некое «учение».

И понятно почему: таковым был «марксизм-ленинизм», нам слишком хорошо знакомый. Однако главным принципом фашизма было отрицание доктринёрства (Геббельс, наверное, сказал бы «талмудизма») и примат практики над теорией. А первые его успехи были связаны не с программой (у итальянского фашизма долгое время вообще не было никакой утверждённой программы, её придумали задним числом), а с привлекательным стилем фашизма.

Эрнст Нольте в своём фундаментальном труде «Фашизм в его эпохе», писал о раннем итальянском фашизме так: «*В общем, почти до конца 1920 года фашизм влачил своё существование без сильной организации, без заметного руководства, без впечатляющего стиля. Из всех элементов его основной картины прежде всего получил удивительное развитие его стиль*».

Дальше он подробно пишет о самом этом «стиле» – начиная от придуманного Габриэлем д'Аннунцио боевого клича *Eia, eia, eia, alalà*, и кончая чёрными рубашками, песней “Giovinezza” и нападениями на «внутренних врагов». Или, говоря современным языком, фашизм родился сначала как субкультура, а потом уже стал политическим движением.

В Германии события развивались по похожему сценарию – за исключением того, что там было меньше спонтанности и больше сознательного конструирования. Например, «фашистское приветствие» [29] было почти точно скопировано с итальянского оригинала, а чёрные фашистские рубашки были повторены в виде коричневых нацистских. Попросту говоря, Гитлер и его окружение косплеило успешных итальянцев, внося незначительные изменения. Этого оказалось достаточно.

Заметим. И итальянский фашизм, и немецкий предлагали себя в качестве национальных движений своих народов. Критически настроенный исследователь сказал бы, что они, скорее,

[29] Более известно сейчас как «зига». Есть мнение, что итальянский жест придумал Габриэль д'Аннунцио для съёмок фильма из римской жизни.

выдавали себя за таковые. Однако опора на национальноокрашенную субкультуру имела место в обоих случаях.

А вот совсем близкий к нам пример – конструирование украинской нации, которое имело место буквально на наших глазах. И здесь огромную роль сыграли моменты стилистические: сине-жёлтые цвета, «тризуб», и, конечно же, вышиванка. Именно вышиванка стала символом «сознательного украинца», немым свидетельством его проукраинских убеждений.

Наконец, пример совсем уж забавный, но крайне поучительный – история гавайской рубашки. Придуманная японскими иммигрантами и поступившая в продажу в 1935 году, рубашка стала символом Гавайев и считается «символом древних традиций гавайского народа».

Разумеется, между глубоко традиционным еврейским национализмом, агрессивным фашизмом, новодельным украинством и весёлой гавайской идентичностью «на экспорт» – огромная разница. Но методы применяются одни и те же: сперва создаётся субкультура, подчёркивающая принадлежность к национальной общности [30]. А уже потом – всё остальное.

Нетрудно разглядеть и технические подробности. Одним из самых распространённых символов принадлежности к национально-ориентированной субкультуре является верхнее нательное бельё – то есть *рубашка*. Слишком оригинальная верхняя одежда – от пиджака до шубы – смотрится излишне странно, нижнее бельё никому не видно. Именно рубашка представляет собой удобный компромисс: её видно, но это не режет глаз, посторонние могут её не замечать, а свои – воспринимать как знак принадлежности к сообществу.

– 8 —

Думаю, уже понятно, к чему я веду. У русских есть своя «национальная рубашка», её не нужно даже выдумывать заново. Это косоворотка, до «безцаря» называвшаяся также «русской рубахой», а в армии – «гимнастёркой».

Удивительным обстоятельством является то, что косоворотка *действительно* является традиционной русской рубашкой. И при этом отличается от других «национальных рубашек» не цветом или узорчиком, а конструктивно.

Одежда вообще не предполагает большого разнообразия. Человеческое тело устроено, в общем, у всех одинаково, а прикрывать его от холода и комаров нужно было всегда. Поэтому практически все удобные и интересные конструктивные решения в этой области давно найдены. Особенно это касается одежды, непосредственно прилегающей к телу – тут любой выпендрёж и неудобство человек чувствует буквально шкурой. То есть рубашка и штаны. Любой *конструктивный* элемент здесь – это очень круто. Учитывая же ещё и то, что любое по-настоящему удачное решение очень быстро копировалось, понятно, что одежда всегда тяготела к единообразию. Плюс-минус мода, разумеется.

Есть, конечно, факторы, которые всё-таки делали одежду разной. От климатического (в Италии можно носить «меха», но не шубу) до эстетического (национальный тип лица и фигуры, например, играет – «у немочек бюстики пышные, им бы декольте и кружавчики»). Отличия небольшие, но оттого особенно ценные.

---

[30] Я намеренно не касаюсь тёмной стороны той же темы – например, «национальной одежды», придуманной в издевательских целях «старшими нациями» для младших и покорённых. Желающие могут ознакомиться с историей шотландского тартана и килта и их истинного происхождения и предназначения. Насчёт издевательства – отсылаю к выражению *true Scotsman*: поинтересуйтесь, что имеется в виду, и сразу всё станет понятно. Бывали также попытки использовать ту же технологию для демонстративного раздувания антизападничества и псевдотрадиционализма – см. например позорную историю заирского абакоста.

В целом, есть три метода создания национальной одежды – высокобюджетный, среднебюджетный и низкобюджетный. Они совместимы друг с другом по нисходящей – то есть, использовав первый, методы можно усугубить вторым и заполировать третьим. Но не наоборот.

Итак, первый метод – придумать что-то действительно оригинальное. Это может быть что угодно, в том числе «мелкие различия». Например, одних только платков существует несколько сотен разновидностей. И кашне от платка “babushka” люди отличают сразу. Важно тут то, что эти различия относятся к *конструкции* одежды. Не к размеру, не к цвету, а именно к конструкции. В свете наших примеров – упомянутые выше нити-цицит, кроме евреев, больше никто не носит. Или, скажем, у арабов есть куфия с эгалем. В общем-то – большой платок с обручем на голове, который его удерживает. Но у других такой фишки нет. И арабы это носят, и считают, что это круто. Потому что элемент *уникальный*. Или вот, скажем, тюрбан. Не самый удобный головной убор на свете, но те же сикхи носят его. Потому что им нужно отличаться от всех прочих.

Метод второй. Взять несколько видов уже известной одежды и скомбинировать их каким-нибудь необычным способом. Ну например – кожаные штаны, жилет и шляпу, в шляпу всадить перо. Если недостаточно оригинально – поверх жилета пустить подтяжки. Да, немножко смешно выглядит. Но для какой-нибудь немецкой местности сойдёт. Носить такое всё время, конечно, не будут, но на праздник можно и выйти. Для устоявшейся немецкой идентичности этого вполне достаточно.

Ну и, наконец, самое дешёвое. Украшения, вышивка, раскраска и принты. Это используется или для маркировки мелких и мельчайших региональных и иных различий, или по остаточному принципу.

Стоит заметить: «вышиванки» всех видов могли появиться в качестве массовой одежды не ранее, чем в продажу поступили относительно дешёвые стальные иглы. Это не помешало конструкторам народов декларировать невероятную древность всяких вышитых узорчиков и мистический смысл, в них заключённых. Даже гавайские принты, якобы, созданы «по мотивам традиционных гавайских узоров».

Славянские народы в основном доделывались в XIX веке, и примерно по одним лекалам: белые или красные рубахи с вышивкой. «Крючок туда – загогулина сюда». Русские – исключение: косоворотка известна с XV века.

Косоворотка – это надеваемая через голову рубашка (обычно носимая навыпуск) с разрезом сбоку и воротникомстойкой. Есть всякие не очень заметные детали, вроде ластовиц (необязательно) и некоторых особенностей кроя. Обычно она с длинными рукавами, но это необязательно. Она может быть мужской и женской, разница только в позиции разреза. Очень важно то, что она может быть как вышитой, так и без всякой вышивки вообще. Для того, чтобы отличить косоворотку от любой другой рубашки, не нужно никаких вышивок, принтов, особых пуговок и всего такого прочего. Достаточно кройки и косого ворота.

добрые русские люди чего-то стесняются и жмутся. Более того, я регулярно слышу от разных людей, что «не надо одеваться в крестьянскую рубашку», «национальная одежда русских – мундир» и вот это вот всё.

– 9 —

Главная причина такого нигилизма – столетняя большевицкая антирусская пропаганда. Коммунисты с *большим пониманием* относились к любой национальной одежде, но русским национальная одежда была строго запрещена. Сомневающиеся в этом могут посмотреть на любой советский плакат из серии «дружба советских республик». Как правило, там изображены все республики в виде людей в национальных костюмах: кавказец в бурке, украинец

в любимой вышиваночке [31]. Русский обычно рисовался в виде человека в пиджачке. Ничего «национального» русским не полагалось.

Разумеется, это нужно было как-то объяснять. Поэтому русским внушалось, что национальный костюм – это «смешной пережиток старины» в целом, а русский национальный костюм – страшное уродство. Разумеется, это говорилось только русским. Все остальные понимали, что гордиться собственной нацией *очень приятно*, а ходить в богатом, в «золоте-брульянтах» – вообще замечательно [32]. Советизированные люди боятся об этом думать сих пор. Денационализированный советский обыватель до сих пор верещит что-нибудь вроде: «*В наше время носить национальные костюмы – признак некой детскости сознания. И первобытности. В смысле, ходят, как те папуасы – в юбочках из тростника. Не, ну, если ради туристов, типа, на карнавал или бабушкины традиции показать, это ещё понятно. Но в качестве будничной одежды… Так и хочется спросить: "в каком веке застряли?"*»

Спорить с такими людьми в большинстве случаев бесполезно. Это или гебистские тролли, или несчастные распропагандированные люди. Для приличных людей, которых их заходы могут сбить с толку, ещё раз напоминаем то, что уже сказано выше: ненациональной одежды вообще не бывает. «Общей одеждой» является одежда доминирующих в мире народов. Когда это были греки, все цивилизованные люди носили тоги. Сейчас это англосаксы, и мы носим джинсы (американские), брюки (немецко-французские) и рубашки (английские). Если говорить жёстче – донашиваем за ними обноски, которые к тому же всегда будут выглядеть на нас хуже, чем на них. Но хотя бы на что-то своё мы имеем право? Например, на ту же рубашку – которая своя ближе к телу?

Не стоит забывать и того, что объявление чего-либо «устаревшим» и «немодным» является обычной коммерческой уловкой, призванной обесценить чужой актив – чтобы впоследствии его присвоить и потом торговать им задорого. Особенно хорошо это прокатывает с дикарями. Первый признак настоящего дикаря (то есть человека с сознанием ниже традиционного) – неуважение себя и бесконечное пластание перед иностранцами и их культурой, отождествляемой с «прогрессом» и «развитием». Дикари готовы снимать со своей шеи золотые украшения даже не в обмен на стеклянные бусы, а просто потому, что высший белый человек сказал «фу, сейчас такое не носят». Потом эти украшения отдаются за гроши или дарятся тем же белым людям – а те уж найдут, как ими распорядиться. Современные дизайнеры, к примеру, обожают делать деньги на фантазиях по поводу национальной одежды. Это называется «национальные мотивы». Русских пока ещё *употребляют* редко и осторожно – чтобы не делать им лишнюю рекламу. Но если русские вдруг вымрут (что вполне возможно) – всё наше наследие пойдёт в ход.

Но в чём смысл запрета русским выглядеть как русские? В том, что все народы, проходящие стадию становления нации, в этом остро нуждаются. При этом «цивилизованность» не играет никакой роли. Да что говорить: в СССР самыми цивилизованными и «европейскими» народами считались прибалты. Так вот, в «перестройку» они *первые* оделись в национальные костюмы (разумеется, приукрашенные и стилизованные). Они и до сих пор популярны – в них ходят на национальные праздники. Проводятся парады, шествия и прочие мероприятия в национальной одежде. Это невероятно круто, модно, весело, задорно. А какой-нибудь твари,

---

[31] Надо сказать, советская власть всячески форсила национальные костюмы вообще и вышиванку в особенности. Например, на тех же плакатах национальные одежды всегда выглядели богатыми и красивыми, праздничными – в отличие от рабочей сермяги на русском. Если коротко: за «национальную одежду» выдавали сильно приукрашенную одежду очень зажиточных людей, «князей и эмиров». Это создавало у нерусских народов ощущение того, что их предки жили празднично и зажиточно, в отличие от русских нищебродов (хотя исторически всё было как раз наоборот). Что касается вышиванки, её, к примеру, демонстративно носил Хрущёв: куда уж выше!

[32] Я несколько раз слышал фразу: «национальный костюм цыганки – золото, бриллианты». То же самое я слышал и про прекрасных представительниц некоторых других народов, но никогда – про русских. Русские народ *бедный* – это выучили все, в первую очередь сами русские.

которая посмела бы хоть что-то вякнуть бы по поводу «папуасов», латыши или эстонцы устроили бы весёлую и интересную жизнь, уж они умеют – *изводить* своих врагов.

Перейдём теперь ко второму заходу: дескать, косоворотка, в отличие от всех прочих национальных одеяний, как-то *по-особенному* смешна, неудачна и неудобна. Кимоно прекрасно, халат великолепен, английские носки на подтяжках – верх элегантности, а вот косоворотка – фуууууу, буээээээ.

«Русские, дураки, придумали гадость какую-то». Да и вообще она недостаточно русская, добавляют некоторые, и придумывают всякую чушь про монгольское, финно-угорское и даже китайское её происхождение (я читывал и такое).

Вот типичный образчик подобного дискурса: «*Это никоим образом не "русская народная" одежда. Современную известность косоворотка приобрела в первую очередь благодаря голливудскому кинематографу. В котором образ "типичного русского" это либо полутрезвый космонавт в ушанке, либо угрюмый бычара вот как раз в такой косоворотке.*

Косоворотка наиболее широкое распространение имела на границе начала XX века, в основном среди городских низов, всякий пролетариат и прочие разночинцы. До этого периода и после него косоворотка практически не используется русским народом.

И причина этого очень проста. Косоворотка это очень неудобная и непрактичная рубашка. Именно из-за косого ворота. Застегивать неудобно. В расстегнутом виде клапан болтается весьма неэстетично и колотится на ветру. Горло от ветра косоворотка защищает ничуть не лучше, чем любая другая рубашка. Шейный платок или шарф эту функцию выполняют намного лучше.

Если бы косоворотка была действительно прорывной технологией, качественно превосходящей другие виды одежды, то её бы носили и сейчас, с удовольствием. Но это не наблюдается. Не нужна никому в реальной жизни эта фольклорная фофудья».

Разберём этот конкретный образчик. Для начала автор пытается представить косоворотку и новоделом, и непрестижной одеждой, невесть с чего распространившейся «на границе начала XX века среди пролетариата». Меж тем, косоворотку носили, как минимум, с XV века. Она и в самом деле была крестьянской и солдатской одеждой. Косоворотка послужила основой для создания русской гимнастёрки. Александр Третий ввёл в моду русские рубашки. Николай Второй носил красную косоворотку – и позировал в ней Кустодиеву. Так что все разговоры о «низкой одежде» – просто ложь.

Далее, о «неудобстве». Автор этой статьи носит рубашки с косым воротом более года – именно как повседневную одежду. Всё, что здесь написано про «неудобство» – чушь собачья. Пуговицы как пуговицы, застёгивать их несложно. «Хлопающий клапан» – очевидная глупость: на сильном ветру воротник обычно застёгивают, а в безветрии такой проблемы просто не возникает [33]. В общем, по тексту видно – человек косоворотки не носил никогда, и все его рассуждения нужны только для того, чтобы оправдать это самое «фуууууу», которое ему в голову закрутили коммунисты.

– 10 —

Впрочем, есть момент, косовороткофобию отчасти оправдывающий. Очень многие, слыша слово «косоворотка», путают её с советским театральным реквизитом того же названия. Ну то есть как есть «русский сарафан» а-ля ансамбль «Берёзка», непригодный к носке и нужный только для изображения «русских» на сцене. Театральная косоворотка – это обычно белая

[33] Более того, откинутый воротник, особенно если обратная сторона его как-то отделана, выглядит ярко и красиво – что-то вроде вшитого шейного платка.

рубашка с вырвиглазной красной вышивкой, очень широкими рукавами, навыпуск и с поясом. Разумеется, это чисто театральный наряд, надевать на себя такое в быту было бы нелепо.

Обычная же косоворотка, сделанная под современную городскую одежду, выглядит и воспринимается как современная городская одежда. Люди не в теме вообще не понимают, что это. Какая-нибудь яркая вышивка привлекла бы, наверное, больше внимания – но тогда бы её путали с «вышиванкой». Зато добрые русские люди – даже если сами косоворотку не носят – её обычно замечают. То есть она вполне работает как разделитель свой/чужой. Не кричаще, не вызывающе, как чёрная рубашка или вышиванка, а так – тихим голосом. Который можно услышать, а можно и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.